

А. Котовщикова

МАЛЮТКА
С ЛЕСНОГО
ОЗЕРА

*Детгиз Ленинград
1956*

Рисунки О. Богаевской

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Присылайте нам ваши отзывы о прочитанных книгах, об их содержании и оформлении.

*Укажите свой точный адрес и возраст.
Пишите по адресу: Ленинград, наб.
Кутузова, 5. Дом детской книги Петрова.*

ЖЕНЯ СОМОВ

В открытое окно класса влетела муха. А в этом классе занимались первоклассники.

Шёл урок чтения. Один мальчик стоял возле стола учительницы и читал вслух, а остальные читали про себя.

Мальчики поглядели, как муха летает над их головами, и снова стали смотреть в книги для чтения.

Но Женя Сомов продолжал следить глазами за мухой.

Муха кружилась под потолком, точно за нею гонялся кто-то невидимый. Потом она села на залитый солнцем подоконник между цветочными горшками. Поползла по нему и вдруг замерла неподвижно.

«Вот глупая! — думал Женя. — Охота тебе сидеть в классе, когда на дворе весна! Не видишь, что ли, на деревьях зелёные листочки? Совсем новенькие и пахнут»...

— Женья Сомов, читай дальше!

Услышав голос учительницы, Женья поскорей толкнул локтем соседа по парте — Игоря Свечкина. Игорь показал ему пальцем строчку. Женья поднялся и стал читать громко и торопливо.

Немного погодя Елена Сергеевна сказала:

— Довольно. Читаешь ты не плохо, но слишком спешишь. Читать надо не спеша, отчётливо, с выражением. Дальше будет читать Витя Лукашѐв. А ты, Женья, внимательно следи, где мы читаем, чтобы Игорю не пришлось тебе каждый раз показывать.

Женья кивнул. Да, он будет следить. Только сначала посмотрит, что делает муха.

Но мухи на подоконнике не было. Она оказалась не такая уж глупая: видно, взмахнула крылышками, да и улетела гулять.

Женья хотел не спускать глаз со строчек. Но вдруг ему послышалось, что Лѐня Сизов, сидевший сзади, чем-то шуршит. И Женья оглянулся. Лѐня слегка подмигнул. Руки его лежали на парте, как полагается во время чтения.

— Женья, не вертись! — сказала учительница.

Женья выпрямился и сидел смирно... одну секунду. Всё-таки чем это Лѐнька шуршал? Да еще и подмигнул зачем-то. В руках у него ничего не было. Значит, он шуршал ногами.

Женья изогнулся и заглянул под заднюю парту. Ноги Лѐни в чѐрных ботинках стоят на полу, плотно сдвинуты. Должно быть, под каблуком какая-нибудь бумажка или картинка. Так не разглядеть...

Женья сполз под парту и протянул руку, чтобы отодвинуть Лѐнину ногу.

— Сомов, встань сейчас же! — голос Елены Сергеевны очень строг.

Вылезая, Женья стучается головой о крышку парты. Потом крышка с грохотом падает. В разных концах класса — приглушённый смех.

— Зачем ты залез под парту? — спрашивает учительница.

Женя стоит у парты, потирает шишку на затылке и расстроенно вздыхает: он не успел найти картинку под Лёниным каблуком.

— Я... хотел посмотреть...

— Что посмотреть?

Женя молчит.

Ведь он не знает, что именно шуршало. Может быть, там совсем не картинка, а что-то другое.

— Ты мешаешь нам заниматься. Стой за партой!

Стоя Женя иначе, чем сидя, видит мальчиков и весь класс. У Валерки Кузьмина на коротко стриженной голове, на самой макушке, препотешная ямка. Женя нетерпеливо переступает с ноги на ногу. У него начинают чесаться руки, — так ему хочется положить в эту ямку резинку. Упадёт или будет держаться? .. Но вся беда в том, что резинка в пенале, а пенал в портфеле, а портфель лежит в парте. Достать резинку — это целая длинная история.

Учительница стоит спиной к классу: она записывает на доске задание на дом. С досады, что нет под рукой резинки, Женя быстро нагибается и щёлкает Валерку по затылку.

— Ай! — испуганно вскрикивает Валерка.

Нет ли у Елены Сергеевны глаз и сзади? Не поворачивая головы и продолжая выводить мелом крупные красивые цифры — номера задач, — учительница говорит:

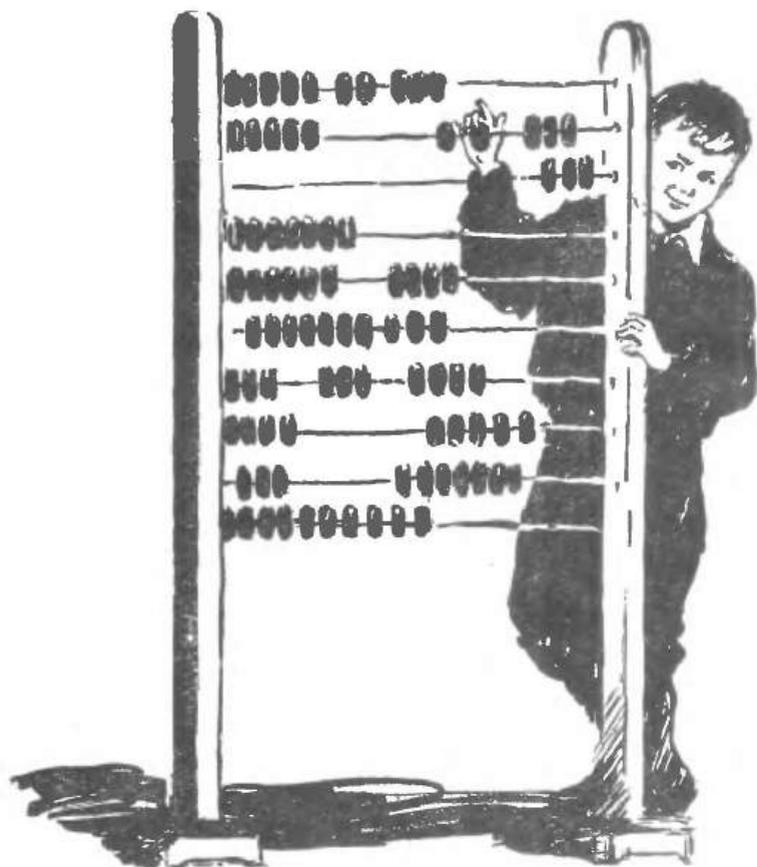
— Женя Сомов, становись в угол!

Немного смущённый, Женя отправляется в угол за большие счёты, которые стоят на полу. Он всегда становится именно в этот угол: когда надоест стоять просто так, можно потихоньку передвигать пальцем белые и чёрные костяшки. Оттуда удобно выглядывать и строить рожи.

Жене частенько приходится стоять в углу. Но он не обижается на учительницу. Только бы после уроков его не оставляли! А постоять в углу — невелика беда. Ведь что-то Елене Сергеевне надо с ним делать: он вертится и крутится на парте, как выюн. Раз — замечание, два — замечание, три, четыре, пять замечаний и — становись-ка, Сомов, в угол!

И вот Женя стоит в углу, слушает одним ухом, как мальчики читают, и думает, что будет, если туча, внезапно засло-

нившая солнце, вползёт в класс. И так потемнело вокруг, а тут и совсем ничего не станет видно, всё затянет густым серым туманом. А Женя усядется на тучу, как на подушку, и вы-

летит на ней в окно. Вот Елена Сергеевна удивится, когда туман рассеется! Стоял Женя Сомов в углу за счётами, а вдруг и нет его. Куда же он девался? В полу дырок нет, — значит, провалиться он не мог. И в коридор не выбегал. Очень странно!

ЛИДА КОСТИНА

А в это время на другой стороне улицы, в другой школе, в первом классе сидела за партой Лида Костина и старательно списывала с доски примеры.

Цифры у Лиды получались ровные, аккуратные. Но до чего же медленно появлялись эти цифры в тетрадке!

Лида напишет цифру и посмотрит на неё, разглядит со всех сторон. Потом положит ручку, возьмёт промокашку, осторожно цифру промокнёт. И опять полюбуется. А время идёт. . .

Вот Лида написала цифру, положила ручку, хотела взять промокашку. . . Но вдруг так и застыла, устремив куда-то взгляд. Потом повернула голову к соседке по парте, Мане Гусевой, и спросила шопотом:

— Как ты думаешь, — откуда она прилетела?

— Кто прилетел? — прошептала Маня.

— Вон та муха. — И Лида остреньким подбородком показала на окно.

В Лидином первом классе, так же, как и в Женином, окно было открыто. И та же самая муха, на которую смотрел Женя, влетела теперь в класс к девочкам и уселась на подоконник.

Маня посмотрела на муху и сказала:

— Не знаю.

— Девочки, перестаньте разговаривать!

Учительница подошла к парте, на которой сидели Лида с Маней, заглянула в их тетради.

— Лида, ты опять от всех отстала! Все уже последний пример решают, а у тебя только два написаны.

Учительница отошла.

Лида написала несколько цифр, промокнула их и на окно посмотрела. И видит: нет мухи. Поглядела Лида на пустой подоконник и прошептала задумчиво:

— Наверно, к детям своим полетела.

— К каким детям? — спросила Маня.

— К совсем маленьким.

— А кто полетел?

— Да всё она же!

— Кто «она же»? — Маня уже забыла про муху и удивлялась Лидиным словам. — Про кого ты говоришь?

— Про муху. Она полетела к своим детям. А откуда прилетела, мы так и не знаем.

Знала бы Лида, что муха прилетела из другой школы — от мальчиков, — ещё больше Мане нашептала бы!

Но учительнице и этого шопота было довольно.

— Лида Костина, вчера я тебя предупредила: будешь болтать, — посажу отдельно, — сказала учительница. — Сядь вон на ту пустую парту. Там тебе не с кем будет разговаривать.

Лида, со своей тетрадкой и задачником, пересела на пустую парту.

Вскоре девочки кончили решать примеры и учительница велела им решить задачу. Кто сидит на парте справа, — одну задачу должен решить, кто сидит на парте слева, — другую задачу.

Все теперь решают задачи. Только Лида всё еще возится с примерами. Наконец кончила. Вздохнула с облегчением, задачник листает, ищет нужную страницу, шепчет:

— Скорей отыскивайся!

Нашла! Вот и номер задачи.

— Сейчас я тебя решу! — прошептала Лида задаче, да взглянула случайно в сторону и вдруг видит удивительное зрелище: Таня Черепанова кончик своей ручки засунула в нос. Висит у неё из носа ручка пером вниз, покачивается.

А Таня глаза скосила на подруг, горделиво улыбается, красуется: поглядите, мол, как интересно!

Лида, конечно, засмотрелась на Таню. Даже рот открыла: не каждый день такое увидишь!

Учительница в это время наклонилась над Галей Степановой и что-то ей объясняла. Но вот учительница выпрямилась. Таня поскорей выдернула ручку из носа и стала ею писать.

А Лида прочитала задачу и от испуга схватилась руками за щёки: ничего не понимает! С ужасом вгляделась ещё раз в условие и... всё поняла. Успокоилась, пишет, шопотом разговаривает с пером, с промокашкой:

— На тебя что-то прицепилось, кажется? А ты скорей промакивай!

Потихоньку, полегоньку, а всё-таки дело движается.

И вдруг опять беда: зуб зашатался! Лида ручку положила. Лицо у Лиды задумчивое, сосредоточенное. Она зуб языком трогает, шевелит: сильно ли качается? Больно ли его шатать? А ну, ещё раз! Вот уж правда: «Хлопот полон рот». Правильная поговорка. К Лиде она очень подходит.

Звонок зазвенел. Учительница подошла к Лиде, посмотрела её тетрадку.

— Первый вопрос ты правильно написала. Какой второй вопрос?

Лида встала и ответила.

— Верно. Понимаешь ты хорошо. Но как ты всё медленно делаешь, Лидочка! Придётся на перемене дописать. Ничего не поделаешь.

Все девочки в коридор вышли. А Лида в классе осталась и половину перемены дописывала задачу.

КАК ЕМУ ПОМОЧЬ?

Женя никуда не провалился, — дырок-то в полу класса не было. И на туче он не улетел.

Но Женю не огорчало, что он никуда не девался, потому что на последнем уроке в этот день был «воспитательский час».

Такой «воспитательский час» бывал каждую субботу, и Женя его любил.

На «воспитательском часе» Елена Сергеевна читала вслух интересные книги. А на прошлой неделе она рассказала о комсомольцах, которые уехали пахать целинные земли.

Длинные-предлинные эшелоны, полные комсомольцев, были отправлены с Московского вокзала. Загудел паровоз, завертели колёса, тронулся состав. Все кричат комсомольцам: «До свиданья! Работайте хорошо и нас не забывайте!»

И поехал состав. А на паровозе — Женин папа-машинист.

Не раз Женин папа увозил комсомольцев на целинные земли и рассказывал об этом Жене. А Женя сказал об этом в классе, когда Елена Сергеевна говорила им о комсомольцах. И все мальчики обрадовались. И Елена Сергеевна обрадовалась. Если бы Женя был комсомольцем, он бы тоже непременно уехал на Алтай или в Казахстан, сел бы на трактор и давай пахать целину!

А пока Женя уселся на парту и приготовился слушать. На лице у него было любопытство: ну-ка, о чём сегодня расскажет Елена Сергеевна?

Но то, что услышал Женя, ему совсем не понравилось. Он сразу надулся, нахохлился и стал похож на недовольного воробья.

— Сегодня, мальчики, — сказала учительница, — давайте посоветуемся, что нам делать с Женей Сомовым. Он очень плохо ведёт себя на уроках, каждый день получает столько замечаний, что и не сосчитать. Женя, выйди на середину класса!

Женя вышел на середину и стоял насупившись.

— Кого из товарищей ты любишь, Женя? — спросила Елена Сергеевна.

Этого вопроса Женя не ожидал. Он с удивлением посмотрел на учительницу.

— Конечно, Васю Грачёва!

— За что ты его любишь?

— Он живёт со мной в одном дворе.

— Только за это ты его любишь?

Яша Шлыков сказал:

— Я тоже живу в одном дворе с Сомовым.

— А Яшу ты тоже любишь? — спросила Елена Сергеевна.

— Нет, — сказал Женя.

— Почему?

Женя долго думал.

— Он всегда выскакивает вперёд. И пристаёт... И дразнится.

Покосившись на учительницу, Яша скорчил рожу Жене, безмолвно произнося: «Бэ-э-э!»

«Яшка-баран!» — про себя обозвал его Женя. Не забыть бы после звонка сказать Яшке, что он — баран.

— Значит, ты любишь Васю не только за то, что вы с ним живёте в одном дворе, — сказала Елена Сергеевна. — А за что?

— Мы играем. Мне с ним весело. Он мне всегда даёт свой велосипед. И я ему всё даю.

— Значит, вы всем делитесь, как добрые товарищи. Очень хорошо. А ещё кого ты любишь в классе?

— Костю Севастьянова, Валерика Мухина, Вову Дроздова, Сёму Каца, Гришу Петрова...

Мальчиков десять назвал Женя.

— Видишь, как много у тебя любимых товарищей. Скажи. Женя, неужели тебе перед ними не стыдно получать замечания и стоять в углу?

Женя опустил голову. Конечно, обидно бывает услышать от Васи Грачёва: «Эх ты! Опять в углу стоял». С досадой это Вася говорит и огорчается больше Жени. Сам-то Вася — круглый отличник и в углу ни разу в жизни не стоял.

— Вижу, что тебе стыдно. Но зачем же ты так поступаешь? Зачем огорчаешь меня и товарищей? Ты мог бы учиться очень хорошо, а учишься всё больше на тройки. Почему ты так плохо ведёшь себя на уроках? Объясни нам.

Женя молчал.

— Почему? Ты уже большой мальчик, скоро перейдёшь во второй класс. Подумай и ответь!

Учительница ждала и смотрела на Женю.

И все мальчики смотрели на Женю. А Женя молчал.

— Тебе что, скучно на уроках? Разве тебе не интересно каждый день узнавать что-нибудь новое? Ты ведь любишь решать задачи...

— И примеры, — хрипло сказал Женя.

— Да, и примеры ты любишь решать. Так почему же ты всегда вертишься на уроках и мешаешь другим и самому себе?

Голос учительницы был совсем не строгий, а задумчивый и огорчённый.

— Почему? — настойчиво и ласково спрашивала Елена Сергеевна.

«Почему?» — спрашивали внимательные глаза мальчиков. Только Яша Шлыков хихикал втихомолку: радовался, что Жене так плохо стоять столбом перед всеми и молчать.

Но почему в самом деле он не может сидеть спокойно, как другие мальчики? Всё время что-нибудь случается... То что-то зашуршало, то за окном вроде что-то пролетело, то рука сама тянется кого-нибудь немножко дёрнуть, то хочется пустить бумажную стрелку. И так хочется, что никак не удержаться.

Жене стало очень жаль себя: ведь он один, а происшествий всяких целая куча — просто беда! Он заморгал, губы у него задрожали и распустились, всё лицо скривилось, и крупные слёзы полились из глаз.

— Мне... не терпится, — пробормотал он сдавленно.

— Что не терпится? — спросила Елена Сергеевна, а в классе стало очень тихо.

— Не терпится... хорошо сидеть на уроках. — Женя всхлипнул.

— Так. Значит, Жене Сомову не утерпеть спокойно сидеть на уроках. — Учительница оглядела класс. — А можно утерпеть, как вы думаете, мальчики?

— Можно, — ответил хор голосов.

— И я думаю, что можно. Вот и посоветуемся, как нам помочь Жене терпеливо просидеть весь урок.

Поднял руку Эдик Скворцов.

— Если Женя не будет хорошо сидеть на уроках, — звонко сказал курносый белокурый Эдик, — то из него не выйдет хороший пограничник! — и с довольным видом сел на место.

Женя быстро поднял опущенную голову. От негодования у него сразу перестали течь слёзы.

— А вот и выйдет! — заявил он сердито.

Ещё что! Да Женя обязательно станет пограничником, как дядя Ваня, мамин старший брат. У Жени и собака уже есть, Шумик. Правда, Шумик не овчарка. Но потом Женя заведёт себе настоящую пограничную овчарку.

Мальчики стали давать разные советы, как помочь Жене терпеливо сидеть на уроках.

Коля Прохоров предложил посадить Женю за отдельную парту, — там ему некого будет дёргать и задевать. Геня Клушин посоветовал каждый день оставлять Женю после уроков и беседовать с ним о плохом его поведении, пока он не исправится.

Женя с возмущением посмотрел на Геню и подумал: «Всё равно убегу».

Алик Громов придумал посадить Женю с одним из отличников. Тот не станет поддаваться на Женины штучки, и, глядя на него, Женя тоже станет сидеть лучше.

Яша Шлыков сказал:

— Надо Жениных родителей вызвать, и пусть его накажут.

— Не родителей, а родителей, — поправила Елена Сергеевна

и, неодобрительно посмотрев на Яшу, добавила: — Женины мама и бабушка знают, что Женя плохо ведёт себя на уроках, и очень огорчаются.

«Яшке после уроков задам!» — решил Женя.

— Завтра воскресенье, а в понедельник решим, как поступить с Женей, — сказала Елена Сергеевна. — Я подумаю о ваших советах. Садись, Женя!

Тут пришла в класс библиотекарь Клавдия Васильевна и стала менять книги.

Жене было нечего менять: взятую книгу он давно прочёл, но принести забыл. Он сидел за партой, всё еще красный, с заплаканными глазами и воображал себя пограничником.

... Густой-прегустой дремучий лес. Неслышными шагами пробирается по этому лесу Женя с ружьём за плечами, в пограничной форме. И вдруг... шорох. Женина овчарка тихонько зарычала. Женя всмотрелся в чащу да как крикнет: «Стой! Руки вверх!» И поймал шпиона!

А глупый Эдька думает, что Женя не станет хорошим пограничником. Как же! Держи карман шире! Непременно станет!

Я УСТАЛА

На последнем уроке, на чтении, у Лиды Костиной шатучий зуб выпал. Трогала, трогала его Лида языком и вдруг чувствует: что такое? Зуба, кажется, нет... А на языке лежит что-то твёрдое.

Раскраснелась Лида от испуга.

— Что с тобой, Лидочка? — посмотрела на неё учительница.

А Лида чуть не плачет. Встала и молчит. Потом подставила ладошку и плюнула на неё. На ладони белый зубок лежит.

— А-а, у тебя зуб выпал, — сказала учительница. — Ну, ничего, вырастет новый. Заверни этот зуб в бумажку, садись

и успокойся. Ничего страшного не случилось. Продолжаем, девочки, чтение.

Лида аккуратно завернула зуб в бумажку и спрятала в карман передника. И весь урок щупала, не потерялся ли зуб. А языком нет-нет, да и потрогает пустое место во рту.

Учительница вызвала Лиду:

— Читай дальше! А про зуб забудь.

Дрожащим голосом Лида прочитала несколько строк. Но про зуб не забыла.

После звонка первоклассницы спустились в раздевальню. Там их ждали мамы.

Лида кинулась к своей маме:

— У меня зуб выпал! Вот здесь, в кармашке лежит. Как я устала, мамочка!

— Устала? — встревожилась мама. И спросила Маню Гусеву: — А ты тоже устала?

— Нет, — ответила Маня. — Я не устала.

Катя Мороз сказала:

— И я не устала.

— Так почему же ты так устала, Лидочка, если другие девочки не устали? — удивилась мама.

Лида пожала плечами:

— Не знаю.

А как ей не устать? Ведь она всяких дел переделала раз в пять больше, чем другие девочки. Все только письмом, арифметикой и чтением занимались. А Лида, кроме того, занималась и мухой, и ручкой в Танином носу, и разговором с промокашкой, а уж зубом своим — без конца. Тут и поневоле устанешь.

СЛОНЫ НА ПЛОЩАДИ

За Женей в школу никто не приходил вот уже месяц. Папа и мама работали. Бабушка всю осень и зиму поджидала Женю после уроков в школьной раздевалке, а весной сказала Жениной маме:

— Не буду я его больше встречать, — мне некогда. Пусть сам возвращается из школы. Не маленький. Пусть приучается. Тем более, что переходить через улицу ему не надо.

Как только Елена Сергеевна привела первоклассников в раздевалку и они встали в очередь за пальто, Женя сказал учительнице: «До свиданья!» — и поскорей выскочил во двор.

Пробежав несколько шагов, он вспомнил, что надо поколотить Яшу Шлыкова.

Женя повернул обратно. Но в толпе мальчиков, высыпавших из школьного подъезда, Яши не было. Конечно, он постарался улизнуть. А надевать пальто ему не надо было, так же, как и Жене.

Женя вышел за ворота и остановился, с любопытством оглядываясь. Перед ним простиралась весенняя улица. Она была яркая и звонкая. Блестели оконные стёкла. Солнечные зайчики прыгали по стенке звеневшего трамвая. Весело, словно стараясь перекричать друг друга, гудели автомобили и автобусы. Но их голоса заглушало задорное чириканье воробьёв в сквере рядом со школой.

Идти домой не хотелось, а хотелось, чтобы случилось что-нибудь необыкновенное. Например, остановилась бы возле тротуара вон та светлосерая «Победа», высунулся бы из неё шофёр и сказал Жене: «Садись, мальчик! Я тебя прокачу далеко, далеко, за сто пятьдесят километров». Или из ворот девчоночьей школы, что напротив, через улицу, вдруг бы выполз огромный страхолюдный крокодил с чешуйчатым хвостом. Все девчонки, которых так много выходит из школьного подъезда, испугались бы до смерти, закричали бы, побежали. . . А Женя бы ничуть не испугался, а живо подскочил бы к крокодилу и давай его лупить портфелем по морде! Крокодил к земле прижался и пятится, уползает. А тут за ним уже примчались из зоосада на грузовике. В руках у людей целые связки толстого каната, чтобы скручивать крокодила. И говорят эти люди из зоосада: «Вот спасибо тебе, мальчик, что ты не дал крокодилу девочек сожрать. Поедем с нами, поможешь нам этого зубастого отвезти, а заодно и других зверей посмотришь».

Мимо Жени прошли Вася Грачёв и Эдик Скворцов. Вася окликнул Женю:

— Пошли домой! Чего стоишь?

«Эдька думает, что я плохим пограничником буду», — вспомнил Женя и отвернулся.

Вася и Эдик пошли направо и вскоре свернули за угол, к дому, где жили Женя и Вася. А Женя постоял и медленно пошёл налево.

Проехала машина-поливалка. По бокам у неё распускались огромные голубые сверкающие веера и рассыпались в воздухе брызгами. Мостовая становилась тёмной, матово блестя, в ней зыбко отражались опрокинутые дома.

Женя рысцой бежал за поливалкой, с удовольствием чувствуя, как свежие капельки оседают на его лице. Вдруг водяной веер ярко вспыхнул, на нём заиграла, переливаясь, разноцветная радуга. Женя засмеялся от радости. И в тот же миг веера опали. Вот они и совсем исчезли. Вода в машине кончилась. Фу ты!

Вытирая ладонями лицо, Женя пошёл дальше. И вскоре вышел на площадь. Большая площадь, широкая, просторная. Люди на тротуаре, по другую её сторону, кажутся все небольшого роста. С краю через площадь вереницей бегут машины, грузовые и легковые. А прямо перед Женей толпятся огромные автобусы. Точь-в-точь стадо слонов. Слоны стоят к Жене задом. Вместо хвоста у каждого поблёскивает прямоугольное стекло, будто зеркало привесили для красоты. А вот как повернётся который-нибудь, — и покажется голова с длинным-предлинным хоботом. Кто-то слонов раскрасил: спина и бока до половины у них жёлтые, а полбока и брюхо у кого красное, у кого — синее.

Стоят слоны и трубят:

— Пропустите нас! Тру-у-ту-ту! Пропустите!

— Ты что, мальчик, гудишь? — к Жене наклонился старичок в очках и широкополой шляпе. Он стоял на краю тротуара рядом с Женей и ждал, когда можно будет перейти площадь.

Женя смутился. Он и не заметил, что громко подражает слоновьему трубному крику.

Ничего не ответил Женя старичку и отошёл в сторону. А тут слоны двинулись, подгоняя друг друга гудками. И хоботов у них не оказалось. . .

Жене стало досадно. Отчего на площади, и правда, вместо автобусов, не гуляет стадо слонов? Или ещё хорошо бы так: вот дойдёт он до того фонарного столба — и он уже пограничник или хотя бы десятиклассник!

Но раньше Жени к столбу подбежала белая кудлатая собака. Заливаясь визгливым радостным лаем, она так рвалась вперёд, что девочке в пионерском галстуке, державшей конец цепочки, пришлось бежать, а цепочка натянулась, как струна.

Услышав этот лай, Женя остановился как вкопанный. Потом круто повернулся и со всех ног, натываясь на прохожих, помчался домой. Он-то гуляет, а Шумик, бедный, сидит взаперти. Разве бабушка его выпустит без Жени?

На лестницу Женя не взошёл, а взметнулся. На площадке он встал на цыпочки, прижал палец к кнопке звонка и держал его так, прислушиваясь к пронзительному звону и к взвизгиваниям и скулению по ту сторону двери, до тех пор, пока дверь не распахнулась.

Старушка-соседка Марья Сидоровна, низенькая, морщинистая, в полосатой кофточке и с поварёшкой в руке, смотрела на Женю с испугом:

— В уме ли ты, Женя? Звонок испортишь, а нам уши погубишь. Ох, даже сердце зашлось от твоего трезвона!

— Бабушка дома? Здравствуйте, Марья Сидоровна! — отбиваясь от Шумика, который скакал вокруг, проговорил Женя одним духом и так торопливо, что у него вышло: «Баушка дома? Здравсть, Марь-Сидрана!»

— Ещё один такой звонок — и будешь выдран ремнём! — донёсся откуда-то густой голос бабушки.

Женя бросил на пол портфель, оттолкнул Шумика и кинулся в комнату.

У Сомовых было две комнаты. В спальне на подоконнике стояла бабушка и тряпкой протираала стёкла. Они были такие прозрачные, точно их и совсем не было. Если бы не лёгкое поскрипыванье, то казалось бы, что высокая полная ба-

бушка, повязанная фартуком, усердно водит тряпкой по воздуху.

— Не думай, что здесь живут глухие! — строго сказала бабушка, глядя на Женю сверху вниз, как с башни. — И почему тебя так долго не было? Я уж решила, что тебя оставили после уроков, да Вася шёл по двору и сказал: «Женя из школы ушёл, — наверно, скоро придёт».

— Я есть хочу! — сказал Женя.

— Подождёшь — не умрёшь. Сейчас кончу. Отмывайся пока. И не глядя знаю, что руки у тебя, как земля.

Женя немножко повозился с Шумиком, потом в кухне под раковиной сполоснул руки, вбежал в спальню и хотел взять полотенце. Но бабушка, которая уже слезла с подоконника, ухватила его за рукав, отвела назад к крану, сунула ему в руки кусок мыла.

— Не пуцу за стол, пока твои ладошки как сапожки не превратятся в белых уток.

Женя засмеялся. На этот раз он долго оттирал каждый палец. С удовольствием он заметил, что бабушка поставила тарелку и прибор на кухонный стол, покрытый чистой

узорчатой клеёнкой. Значит, она накормит Женю в кухне и можно будет давать кусочки Шумику. Когда всей семьёй обедают в столовой, Шумик туда не допускается.

Накрывая на стол, бабушка говорила соседке:

— Это сиденье дома сведёт меня, в конце концов, в могилу. Вчера встретила Пашу из нашего цеха. Она говорит: на моих станках сейчас работает Тоня Петрова. Разве Тонька углядит, как надо, за станками? И что вы думаете? Чуть не через день вызывает ремонтников.

— Неужто так часто? — поразилась Марья Сидоровна. Она жарила котлеты на газовой плите.

— Ну, немножко я того... преувеличила, — созналась бабушка. — А моей сноровки у Тони нет, как ни говорите.

— Это уж точно, — согласилась старушка.

— Стосковалась я, соскучилась, — вздыхала бабушка. — Просто не хватает моего терпенья, да и только.

Марья Сидоровна сочувственно кивала головой:

— Кто привык при своём деле находиться, тяжело без работы, как же!

Бабушка тридцать лет проработала на ткацкой фабрике. Но, когда Женя перестал ходить в детский сад и пошёл в школу, мама и папа упростили бабушку бросить работу: «Кто Женю встретит после уроков? Кто его накормит? Кто за ним присмотрит, пока мама на заводе?»

Скрепя сердце бабушка согласилась, а теперь тоскует без своего цеха.

Всё это Женя давно знал и привык к жалобам бабушки. Но сейчас его поразила неожиданная мысль: а ведь они с бабушкой похожи! Обоим не терпится: Жене — на уроках, а бабушке — дома. И он спросил с жалостью и с любопытством:

— Очень трудно тебе терпеть, бабушка, да?

Бабушка и Марья Сидоровна замолчали и уставились на Женю.

— Ты это о чём? — спросила бабушка.

— Да утерпеть тебе без фабрики как? А?

Марья Сидоровна почему-то усмехнулась. Но бабушка сказала серьёзно:

— Ох, трудно мне утерпеть, внучек! Ещё как трудно-то!

ЖМУРКА В ОПАСНОСТИ

Придя из школы, Лида спрятала выпавший зуб в шкапу с лентами, покушала, немножко отдохнула и решила повести на прогулку своего котёнка. Уж очень хорошая погода!

Жмурка — котёнок не простой, а сибирский. Он пушистый-препушистый, полосатая мордочка круглая, вокруг неё длинная шерсть во все стороны лучами. Усишки торчат, глаза жмурятся. Потому и Жмуркой прозвали.

Когда маме принесли такого славного котёночка, Лида в восторге то и дело присаживалась перед ним на корточки и всех спрашивала:

— Вам нравятся котята в полоску? Мне очень нравятся.

Лида вынесла Жмурку во двор, посадила на свежую молодую травку под деревьями.

Подошли две девочки с куклами в руках.

Три девочки смотрят, как Жмурка осторожно ступает по траве. Вот он приподнял одну лапку и замер, потом весь пригнулся, крадёт к дереву.

Засмеялись девочки. Глупенький Жмурка надеется птичку поймать. Да куда ему — такому маленькому, пушистому, мягкому, как муфточка! Разве может он схватить проворного воробышка, что скачет на ветке?

Видно, Жмурка и сам понял, что воробышек не для него. Отвернулся котёнок, подпрыгнул, перевернулся на спину, опять встал на все четыре лапки, закрутился на месте, хвостик свой ловит. И вдруг ка-ак подскочит, спину выгнул, весь распушился, усы топорщатся. . . Что это с ним?

— Ой-ой-ой! — испуганно закричали обе девочки.

Лида оглянулась и даже побледнела от ужаса. Что-то чёрное с белым, мохнатое катится к Жмурке!

Вскрикнула Лида и кинулась к котёнку. А косматое чудище уже налетело с оглушительным лаем, Жмурку повалило, мнёт его широкими короткими лапами, мордой толкает. Бедненький Жмурка распластался на траве и совсем зажмурился — глаз не видно.

Лида плачет, мечется над котёнком, то сунется к нему, то попятится и опять сунется, а тронуть его под собачьей мордой не решается. Девочки руками машут, кричат:

— Ой, съест его! Ай, задавит!

Вдруг громкий смех раздался над самым Лидиным ухом:

— Ха-ха-ха! Чего испугалась? Он просто играет.

Мальчишка сгрёб пса в охапку и к Лидиному носу поднёс:

— Познакомься!

Мохнатая морда тянется к Лиде. Мягкие уши болтаются, как тряпки, в шерсти влажно поблёскивают коричневые глазки — и вдруг высунулся кончик красного языка.

Отшатнулась Лида:

— Уйди, противный!

Одна из девочек подняла с травы Жмурку:

— Собачонка его обслонявила!

— Да как же ты смел свою собаку на моего котика напустить? — закричала Лида.

— А кто его напускал? Он сам прибежал, — и мальчишка опять захохотал. — Вот трусихи! Щенка испугались!

Сверкающими от гнева глазами Лида разглядывала обидчика. Нос вздёрнут, лицо перемазано. А, да это Женька из их двора!

— Усы-то у тебя! — сказала Лида. — Как у таракана. Только из грязи. Настоящий Усатик!

Девочки рассмеялись.

Мальчик растерянно поднёс руку к лицу и выпустил рвавшегося на землю пса.

Пёсик запрыгал вокруг мальчика, дёрнул его за штаны, залаял звонко: «Бежим, мол, играть!»

«А смешная собачонка, ничего», — подумала Лида.

И девочки с интересом смотрели на Шумика — это был, конечно, он вместе со своим хозяином, Женьей Сомовым. Мохнатые уши у пёсика до земли, морда весёлая, короткий хвост палочкой торчит вверх.

— Дуры! — обиженно закричал Женья и... ничего больше не мог выдумать, что бы такое ещё крикнуть.

А девочки запрыгали, распевая:

— Уса-атик! Уса-атик!

Женья повернулся и побежал прочь. Шумик вприскокку за ним, да как-то подвернулся ему под ноги. Женья споткнулся и растянулся на камнях. А Шумик вперёд убежал. Потом оглянулся, видит: Женья лежит. Пёсик скорей вернулся, скачет вокруг Жени, теребит его, в глаза заглядывает. В щёку языком лизнул. А Женья давай его лупить.

— Ты зачем меня повалил?

Поднялся с земли, прихрамывая, поплёлся к поленнице дров, сел на неё и колено потирает.

Девочки всё это видели.

— Ушибся он, — сказала старшая девочка.

— И пусть расширяется! — сказала Лида. — Зачем он Жмурку моего обмусолил?

— Так ведь не сам он обмусолил, а его собака, — заметила девочка.

— Всё равно ни разу в жизни я на этого Усатика не взгляну! — Лида встала спиной к поленице. — Слова с ним в жизни не скажу, — такой он противный!

А Женья бормотал, рассматривая дырку на чулке:

— Вы дуры... вы девчонки... вы поросёнки... у вас косички... косёнки... — И вдруг произнёс:

Вы девчонки-поросёнки,
У вас глупые косёнки!

Женья сам поразился: как складно! Да ведь он стихи придумал. Вот здорово! Вся обида у Жени прошла.

Он снова приблизился к девочкам и стал похаживать возле них, сильно припадая на одну ногу и распевая во весь голос:

Вы девчонки-поросёнки,
У вас глупые косёнки!

Но девочки не поняли, что случилось необыкновенное: у Жени сочинились стихи. Они хором кричали:

— Усатик! Усатик! Усатик!

Потом забрали котёнка, кукол со скамейки и ушли в подъезд.

Ещё несколько раз Женья спел песню про поросёнков Шумику. В доказательство, что песенка ему нравится, Шумик лизнул Женью в кончик носа.

Вышел во двор Вася Грачёв. Женья ему рассказал:

— Такие, знаешь, девчонки, что таким девочкам жаль ножку подставить. Неохота, знаешь, руку протянуть, чтобы за косичку дёрнуть.

— У меня сестра хорошая, в четвёртом классе, — сказал Вася. — А вообще девчонки плаксухи, — что в них!

ЛЕТО НАСТАЛО

По совету Коли Прохорова, Женю посадили на отдельную парту. Но недолго он просидел в одиночестве. Вскоре занятия в школе прекратились: наступили летние каникулы. А тут и мамин отпуск подошёл.

Папа усадил маму, бабушку и Женю в поезд, и они поехали в гости к маминому второму брату — дяде Косте. Шумика взяли с собой. Для него купили собачий билет, и проводница пустила его в вагон.

Дядя Костя работал колхозным агрономом и жил на краю села. Совсем близко от его дома начинался большой лес.

Лида вместе с мамой и Жмуркой уехали на дачу. В субботу приезжал к ним папа, и по воскресеньям они жили там вчетвером, очень весело. В понедельник папа опять уезжал в свой научный институт — смотреть в микроскоп и делать всякие опыты.

О противном мальчишке, напустившем свою собачонку на Жмурку, Лида не думала. Только как-то раз, увидев чумазого мальчишка, она закричала:

— Ой, я знаю, на кого он похож! На Усатика из нашего двора!

А Женя ни разу не вспомнил девочек и даже свою песенку про поросёнок, так ловко им сочинённую, позабыл. Уж очень ему интересно жилось в деревне у дяди.

ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ

От волнения и любопытства Лида не произносила ни слова. Одной рукой она крепко прижимала к груди большой букет цветов, в другой держала портфель. В раздевалке мама поцеловала Лиду в щёку и что-то ей говорила. Но Лида не слышала. Она так глазела по сторонам, что споткнулась на лестнице, когда ребята следом за учительницей поднимались в свой класс, и чуть не уронила цветы.

Всё, всё вокруг было новое! Другая школа, другая учительница, множество незнакомых девочек и... мальчики. Да, подумайте! Куча мальчишек шла по коридору впереди и позади Лиды. Бело вокруг от белых передников, но тут и там мелькают серые пятна — мальчишеская форма, — как сизые голуби среди белого снега.

С этого года девочки и мальчики стали учиться вместе. А Лиду записали в другую школу, и теперь ей даже дорогу не надо было переходить.

В классе учительница по списку называла фамилии и каждому указывала его место. Лида села на парту и впилась глазами в учительницу.

Невысокая, светлые косы заколоты на затылке, глаза

большие, смотрят спокойно и весело. Ой, какая славная! Лиде немножко странно, что учительница такая молодая. Моложе мамы и гораздо моложе седой Татьяны Петровны, у которой Лида училась в прошлом году. Эта новая стоит за столом в темнокоричневом платье, тоненькая, светлая; надеть на неё белый передник — и точно десятиклассница. Но вот учительница чуть-чуть улыбнулась, и вдруг Лиде показалось, что она знает её давно-давно.

— Меня зовут Елена Сергеевна, — глубоким ясным голосом сказала учительница.

Лида пошевелила губами, повторяя про себя имя учительницы.

Елена Сергеевна поздравила ребят с новым учебным годом. Потом напомнила им, как надо сидеть в классе во время объяснений учителя, как вставать, что должны делать дежурные. А затем сказала:

— А теперь можете познакомиться. Каждый может спросить соседа, как его зовут. Только тихонько. Шопотом.

Зашелестело в классе. Это ребята шопотом называли друг другу свои имена.

Лида повернулась к сидевшему с ней мальчику:

— Как тебя зо...

Глянула на него повнимательнее и... замерла на полуслове, глаза вытаращила. Потом нахмурилась, сдвинулась на край парты и подняла руку.

— Что, Лида Костина? — спросила Елена Сергеевна.

Лида встала.

— Я... я не хочу сидеть с этим мальчиком, — голос у неё дрожал от обиды.

— Почему?

— Я... он... это Усатик! — выпалила Лида.

Ребята засмеялись.

Елена Сергеевна сказала:

— Я не замечаю у Жени Сомова усов. Но почему ты не хочешь с ним сидеть?

Лида смутилась. Усов у Жени, и правда, не было. Весь он был такой чистенький, в новой форме с белым воротничком, короткостриженный, загорелое лицо вымыто чисто-начисто. Немудрено, что она сразу его не узнала. Но всё равно это был никто иной, как Усатик. Он сидел с удивлённо приоткрытым ртом, в котором чернели дырки вместо двух передних зубов. Уши у него торчали, как два небольших лопушка, и вид был преглупый.

— Не хочу! — с негодованием проговорила Лида. — У него есть собака, такая мохнатенькая. Я забыла, как её зовут.

— Нет у меня собаки! — Женья шумно вздохнул и тоже встал. Теперь оба они стояли, повернув головы друг к другу.

— Ка-ак нет? — протянула Лида тоненьким голоском. — Видите, теперь врёт. Есть собака! И она давит моего котика. А он у нас сибирский, пушистый. . .

— Хоть и пушистый, а нет у меня собаки, — упрямо повторил Женья.

Ребята смотрели на них с любопытством.

— Я вижу, у вас старые счёты, — сказала Елена Сергеевна. — Сядьте оба. После звонка подойдёте ко мне, и мы всё выясним. А сейчас вспомним, что мы учили в первом классе о гласных и согласных звуках.

Лида уселась на самый кончик парты и вскоре чуть не окосела на левый глаз. Она ни за что не хотела смотреть на Усатика, а глаз сам всё время скашивался в его сторону. И глаз заметил, как Усатик подмигнул какому-то мальчику, который сидел впереди и на секунду повернулся. Потом Усатик оглянулся, оттопырил нижнюю губу и сделал кому-то страшную рожу.

«Он, конечно, озорник. И у него есть собака», — думала Лида. Ей представлялся Жмурка, обмусоленный, прижатый к земле собачьими лапами, и внутри у неё всё кипело.

— Женья Сомов, не принимайся за старое, — раздался голос учительницы. — Неужели ты за лето не отвык вертеться на уроках? Лида Костина, назови нам гласные звуки.

Лида поднялась за партой.

— О. . . — помолчала и произнесла: — е, — опять помолчала: — ё. . . — снова помолчала: — ю. . .

Все гласные звуки назвала Лида. Учительница слушала и внимательно смотрела на Лиду.

— Помнишь ты хорошо. Но разве можно так медленно отвечать? Между двумя звуками проходит у тебя полминуты.

Зато на перемене у Лиды между словами и четверти секунды не проходило. Елена Сергеевна подозвала к себе Женью и Лиду. И Лида скорей, скорей, поспешно и невнятно, рассказала, что, конечно, собака этого Жени Сомова — и она даже не знала, что он Сомов, — только сейчас узнала, — его

собака чуть до смерти не задавила её Жмурку, и как же такой мальчик будет теперь с ней сидеть, и она даже никогда не играла с мальчишками, и собака у него, конечно, есть!

Лида сама не знала, что с ней сделалось. Никогда в жизни она не говорила так быстро. Вот бы мама с папой удивились!

Женя исподлобья разглядывал голубоглазую раскрасневшуюся девочку в белом переднике, с торчавшими в сторону тугими косичками, на которых качались белые банты. Девочка казалась ему занятой. Интересно и даже необыкновенно, что такая с ним сидит. Зачем только она глупости болтает?

— Вспомнила, что сто лет назад было! — с досадой сказал Женя. — Нету теперь Шумика. Он в колхозе остался у дяди Кости, потому что он, во-первых, оказался настоящей охотничьей породы, называется спаниэль, и дядя Костя с ним на охоту станет ходить. Дядя Костя попросил, и я ему подарил. Жалко Шумика. Но что ж! Дяде Косте он очень нужен, потому что Шумик станет охотиться на озёрах. За утками. Елена Сергеевна, а я плавать научился!

— Очень хорошо, что ты научился плавать, — Елена Сергеевна положила одну руку на плечо Жени, а другую руку на плечо Лиды. — Вот что, ребятки. Что было, то прошло. Начался новый учебный год, и старые обиды, Лидочка, надо забыть. Никуда я тебя не пересажу. Нет для этого причины. Да и места все заняты. Идите в коридор, гуляйте.

По коридору Лида гуляла в паре с Маней Гусевой. Еще когда вошла в класс, она заприметила знакомые рыжеватые косички. Но Маню посадили в другом конце класса, подойти к ней Лида не успела. Зато на перемене они кинулись друг к другу и схватились за руки. Нельзя сказать, чтобы в первом классе они особенно дружили, только что сидели на одной парте. А тут так обрадовались, словно всё лето мечтали свидеться.

Остальные девочки были незнакомые, и надо было их хорошенько рассмотреть. А Шумик теперь Жмурку не задавиг, раз он на каких-то озёрах остался. Пусть охотится за утками. Не хочется, конечно, сидеть с Усатиком, но что же делать, если все места заняты. Кстати, у него сейчас и усов-то нет.

Второй урок был арифметика. Ребята устно решали задачи, которые им задавала учительница.

Когда они решили несколько задач, Елена Сергеевна сказала:

— А теперь придумайте задачи сами!

Один мальчик придумал такую задачу:

— В доме было двадцать окон. В восьми окнах мальчишки выбили стёкла. Сколько осталось целых окон?

Сразу поднялось много рук.

Но Елена Сергеевна покачала головой:

— Меня больше интересует другой вопрос: что сделали с мальчиками, которые разбили такую уйму стёкол? И почему эти мальчишки принялись колотить стёкла? Не сошли ли они с ума?

Ребята засмеялись. Мальчик смущённо сел.

— Кто ещё придумал задачу? Ты, Катя Болотина? Ну-ка! Женья рассеянно смотрел в окно.

«Совсем не слушает», — подумала Лида и шепнула задорно:

— А тебе и не придумать ничего!

Женья выпятил нижнюю губу. Лида уже заметила, что когда он обижается или бывает недоволен, то у него сразу как-то выпячивается, оттопыривается нижняя губа.

— Да я уже, во-первых, придумал!

И вот Женья стоит и громко торопливо говорит:

— На площади гуляло пятнадцать слонов. У пяти слонов вместо хвоста висело по зеркалу. Когда они повернулись, то у них и хоботов не оказалось. И ещё у трёх слонов хоботов не было. А остальные были настоящие, хорошие слоны. С хоботами и хвостами. Сколько было на площади хороших слонов?

Вот так задача! Все затихли в недоумении. Потом кто-то хихикнул. В разных концах класса послышались смешки. Потянулись кверху руки:

— Про каких слонов он говорит?

— Разве бывают вместо хвостов зеркала?

— Пусть повторит задачу. Я не разобрал. . .

Одна девочка сказала громко и с удивлением:

— Я никогда не видела зеркало с хвостом!

Женья покраснел, губа у него ещё больше оттопырилась.

— Тише! — сказала Елена Сергеевна и спросила: — Про каких слонов ты говоришь, Женя?

Прежде чем Женя успел ответить, белобрысый мальчик — даже брови и ресницы у него были белые — крикнул ехидно:

— Он нарочно прикидывается! Никогда и не было таких слонов!

Лиде этот мальчишка сразу не понравился: на перемене он подставлял подножку девочкам, так что одна растянулась на полу.

— Яша Шлыков, не кричи! — сказала учительница.

А Женя сказал сердито:

— Были слоны! То были автобусы, но очень похожие. А ответ я могу сказать: семь слонов всё-таки было хороших.

— Эту задачу Женя уже решил, так что оставим её, — сказала Елена Сергеевна. — Перейдём к следующей.

Девочка, фамилию которой Лида еще не запомнила, задала задачу про грибы и корзинки. Но Лида слушала плохо. Она подвинулась к Жене и спросила шопотом:

— Ты, правда, видел слонов на площади?

Женя кивнул. Лида задумалась. Может быть, Усатик не так уж плох, — ведь он видел каких-то странных бесхвостых слонов и ещё семь штук слонов хороших.

СТРАШНЫЙ ЗВЕРЬ

Под вечер девочки гуляли во дворе. Осеннее солнце светило, как летом. На скамейке под деревьями Лида, Маня и Света, тоже второклассница, только из другого класса, рассадили кукол и собирались кормить их завтраком перед тем, как отвести в школу.

С кукольной кастрюлькой в руках Лида побежала к куче песка, насыпанного в загородке для малышей. Из песка нужно было сварить манную кашу. И вдруг позади Лиды закричали девочки:

— Ай, что это? Смотрите! Смотрите!

На бегу Лида оглянулась да как завизжит. Страх какой! Зверь невиданный несётся за ней, вот-вот схватит за пятку. Серокоричневый, на четырёх коротких лапах, с каким-то странным хвостом. Крыса огромная, что ли?

С отчаянным пронзительным криком, уронив кастрюльку, убегает Лида, а зверь не отстаёт, скачет за ней, круглым шерстистым задом подкидывает. Расплакалась Лида, вся трясётся, на скамейку лезет, скорей ноги поджимает. И, как во сне, слышит хохот:

— Маськи испугалась! Трусиха!

Женька этот Сомов! На лице восторг и насмешка. Так и захлёбывается смехом:

— Вот трусиха так трусиха! Это ж Масенька моя!

Схватил он зверюгу под передние лапы. Та свернулась калачиком вокруг его руки, только хвост висит.

Ребят откуда-то набежало. Обступили Женю.

— Это кто? Женя, кто это такой?

Лида стоит на скамейке, всё ещё дрожит и шею вытягивает, засматривает через головы ребят.

— Это выдра! — с гордостью объяснил Женя. — На озере в лесу поймали. Маленькая была, вон какая выросла! — он повернулся к Лиде: — Чего ты её боишься? Её никто не боится.

Обиделась Лида и прыгнула со скамейки.

— А я и не боюсь вовсе!

Женя нагнулся и пустил зверя на землю. Лида — прыг обратно на скамейку:

— Ой!

Все мальчишки, стоявшие вокруг, захохотали. И девочки засмеялись, а сами в сторону отбегают.

— Дурак! — вся красная, сказала Лида, стоя на скамейке.

— Трусиниска-мамрышка! — запел Женя и припустился за выдрой.

Она, смешно вскидывая зад, понеслась, покатилась куда-то по двору. Все ребята за нею побежали. Только Маня задержалась.

— Я и сама-то чуть не умерла со страху, — она вздохнула и медленно пошла за ребятами.

Из открытого окна на третьем этаже высунулась полная пожилая женщина и закричала:

— Женья! Неси домой выдрёшку! В подвал забежит, пропадёт.

Со своей скамейки Лида видела, как с серокоричневым клубком в руках Женья, окружённый ребятами, скрылся в подъезде.

Девочки вернулись, оживлённо рассказывая, как выдра глядела на них, как она два раза тихонько свистнула. Лиде было досадно, что она с перепугу не рассмотрела диковинку. И она сказала небрежно:

— Ну, и пусть! И очень надо. Еще с какими-то... выдренными крысами будет тут наскакивать на людей. Усатик этот! Из нашего класса.

СЕРЫЙ КОМОЧЕК

Сказать по правде, Женья променял Шумика на выдру. Учительнице он не соврал: он, и верно, подарил своего пёсика дяде Косте. Но не получил бы дядя пёсика, несмотря на все просьбы, если бы не выдра.

Соседские мальчишки-подростки принесли в шапке с озера серый пушистый комочек.

Бабушка ахнула:

— Это кто ж такой?

Женья тронул комочек пальцем. На него сверкнули две крохотные чёрные живые пуговки-глазки зверька.

— Ой, глядит, глядит! — закричал Женя.

— Недели две выдрёшке, — определил дядя Костя. — Эх, ребята! И зачем вы притащили эту малютку? Выкормить её трудно, мала больно. А назад положить — мать может не принять после человеческих рук; да и найдёте ли вы гнездо? Может, матка уже место переменила. Ну, давайте молоко и соску!

Соски в доме не нашлось. Дело было вечером, магазин давно закрыт. Не бежать же в районный центр в аптеку, на ночь глядя!

Ворча, дядя Костя приладил к бутылочке резинку от велосипедного насоса, вложил её в лягушечий рот зверька и осторожно наклонил бутылочку. Молоко из бутылочки медленно исчезало. Выдра жадно сосала.

Бабушка прониклась жалостью к лесной зверюшке, сама её поила молоком из соски, которую на другой день достали у одной колхозницы, по нескольку раз в день купала выдрочку в корыте, нежно бормотала над ней:

— Ах ты, моя масенькая, глупая, отняли тебя от матери.

Так выдру и прозвали Масенькой, Масей. Вскоре она уже пила молоко просто из блюдца, полюбила сырую рыбу и бегала по всей комнате. Когда Маса вылезала из корзины, где ей бабушка устроила мягкое гнездо, Шумика выгоняли из избы, чтобы он не обидел маленькую выдру.

Правда, раз и навсегда дядя Костя запретил Шумику трогать Масю. В первый же раз, как Шумик, болтая ушами, подскочил к выдрёшке и сунулся к ней своей мордой, дядя Костя схватил его за шиворот, пребольно ударил и коротко, строго приказал: «Назад!»

Такой непослушный в Ленинграде, Шумик охотно подчинялся дяде Косте. Дядя часто брал его с собой в лес и многому выучил за короткое время: носить за ним вещи, сидеть и лежать не шелохнувшись, бежать, внезапно останавливаться по приказу, отыскивать и приносить далеко брошенную палку и чучело дикой утки. При этом Шумик не смел ни разорвать, ни хотя бы немножко потрепать чучело.

— Псу цены нет, — говорил дядя Костя, — а вы его в комнатные болонки записали, в бесполезного дурня превра-

щаете. Женя, будь другом, отдай мне Шумку! Хочешь, я тебе двухколёсный велосипед куплю?

— Так ведь он мой, Шумик, — Женя вздыхал. — А на велосипеде я и на Васином покатаюсь.

Незадолго до отъезда ленинградских гостей дядя Костя спросил Женю:

— Выдру-то повезёшь в Ленинград?

— А как же! — сказал Женя. — Ребятам покажу.

— Либо выдра, либо пёс, — сказал дядя Костя. — В одной квартире им не жить. Ты уйдёшь в школу, а они и погрызутся. А Шумка без охоты теперь затоскует. . .

Женя сердито сопел и обиженно оттопыривал губу. Ему было уже ясно, что Шумика придётся оставить. И за Машю страшно, да и Шумик слишком привязался к дяде Косте. По первому зову становится возле его ноги, да так прочно — за уши не оттянешь.

— Потом я себе пограничную овчарку заведу, — сказал Женя.

— Вот это дело! Это само собой! — весело поддержал племянника дядя Костя и потрепал его по плечу.

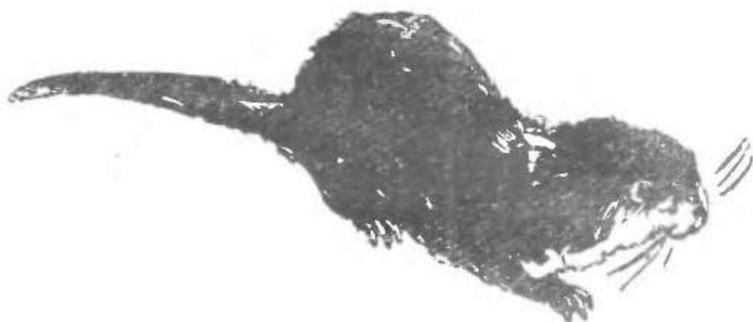
МАСЬКА В ЛЕНИНГРАДЕ

В ленинградской квартире Маша освоилась очень быстро. Она живо обегала и облазила все углы. Её темносерая сплюснутая голова с тупой мордой, широким ртом, напоминающим лягушечий, короткими круглыми ушами и живыми чёрными глазками неожиданно появлялась то из-под стола, то из-под шкафа, то из-под дивана. Ловко орудуя низкими ногами с перепонками между пальцами, как у утки, Маша взбиралась на диван, на стулья, на кровати. Со стула она карабкалась на стол, со спинки кровати на комод.

— Какие-то обезьяньи у неё повадки, — удивлялась мама.

И мама и папа очень удивились на выдру, когда Женя с бабушкой привезли её из деревни. У мамы кончился отпуск, и она вернулась в Ленинград раньше, чем появилась выдра.

Женя и его товарищи нарадоваться не могли на Маську. Особенно весело было смотреть, как она купается. Бабушка ставила посреди передней корыто с водой. Маша ныряла и резвилась, как рыбка. Она плавала и на животе, и на боку, и на спине, сложив на груди передние лапки и отталкиваясь от воды хвостом.

Когда Маську купали, Марья Сидоровна выходила из своей комнаты.

— Из воды-то не выскочит ваше чудо озёрное? — с опаской спрашивала старушка, издали засматривая в корыто.

В первый раз, когда Маська прошмыгнула возле её ног, Марья Сидоровна вскрикнула, побледнела и чуть не упала в обморок.

Женя соврал Лиде, что никто не боится Маськи. Два обитателя квартиры не могли преодолеть страх и отвращение к выдрёшке: Марья Сидоровна и кот Мурза.

Мурза был кот почтенный, длинношёрстый, от старости лохматый, как болонка. Шумику он когда-то надавал когтистой лапой крепких пощёчин. Щенок завизжал от боли, обиделся и больше к суровому коту не совался. Старый ленивец Мурза проводил дни в сладкой дремоте на диване и на креслах, снисходительно позволяя гладить и ласкать себя. И вдруг его покой был нарушен.

Ко всему, что привлекало её внимание, Маська бесстрашно мчалась на своих перепончатых лапах. Мурза безмятежно спал на ковре. Выдра увидела кота и стремительно понеслась

к нему, опустив широкую голову и, как всегда на бегу, немало изогнув спину.

Кот поднял голову и на мгновение остолбенел. Его глаза, обычно сощуренные, превратились в два зелёных кружка. Он подобрался, зашипел и вдруг обратился в бегство. С неожиданным проворством крупными прыжками он достиг буфета и вспрыгнул на него.

Немного позднее, крадучись вдоль стены, кот вошёл в кухню и на почтительном расстоянии брезгливо смотрел, как выдра жадно съела рыбу из своей чашки, а потом принялась и за его блюдо.

Женя отнял у Маськи Мурзину еду и поставил её перед котом. Но Мурза отвернулся и пошёл прочь. Пришлось его кормить в комнате Марьи Сидоровны, куда Маська категорически не допускалась.

Кот почти совсем переселился к старушке, а по всей квартире ходил с опаской и спал только на возвышениях: на буфете, на комодe, на подоконниках.

— И чего бояться такую хорошенькую, миленькую? — поражался Женя. — Дурак ты, Мурза!

Сам Женя вместе с Васей Грачёвым, который часто у него бывал, возился с Маськой без конца. Такая она была игривая, весёлая. Ляжет на спину, голову выгнет и ловит кончик хвоста лапами и зубами. Потеха! Маська и спать любила на спине, презабавно сложив на животе передние лапки. И перед тем, как заснуть, всегда сосала старый мамин капроновый чулок, точно грудной ребёнок соску-пустышку.

КОСИЧКА

Женя рассказал ребятам в классе, что Лида Костина до смерти боится маленькой выдры из озера и что она «трусишка-мамрышка». Мальчишки хохотали и кривлялись: «Ой, боюсь! Ой, страшно, спасите меня!». Девочки заступались за Лиду: «А если ей показалось, что это крыса? Подумаешь, хвостуны! Будто сами ничего не боятся!»

Яша Шлыков, чтобы подольститься к Жене, подскочил к Лиде и высунул язык:

— Трусишка-мамрышка!

И сейчас же получил кулаком в бок. Если Женя поддразнивал Лиду, это вовсе не значило, что Яшка имеет право так делать. И вообще, — чего он лезет? То ябедничает на Женю учительнице: «Елена Сергеевна, Сомов опять вертится», «Елена Сергеевна, Сомов на перемене дрался», то подлаживается к нему.

Лида стояла, прислонившись к стене в коридоре, возле двери в их класс. Глядя прямо перед собой и раздувая ноздри от обиды, она гордо молчала.

На уроке списывали с доски предложения, где в некоторых словах надо было вставить пропущенные буквы.

Лида еле-еле водила пером и после каждых двух-трёх букв смотрела по сторонам. Так ей легче думалось, а думала она о том, что, когда вырастет, купит десяток крыс и всех сразу выпустит на Усатика. Вот закричит-то — по всем школьным этажам будет слышно! Уж кого-нибудь она подговорит донести мешок с крысами до школы. Да зачем ей ждать, пока она вырастет? Пусть Усатик завтра же провалится в какой-нибудь подвал, и там на него накинута пятнадцать крыс.

Лида содрогнулась от отвращения, а Елена Сергеевна в третий раз сказала:

— Лида, не отвлекайся, пиши быстрее. И думай о работе.

Лида послушно склонилась над тетрадкой. Но вскоре мысли её опять начали бродить по подвалам и чердакам, полным страшных, длиннохвостых крыс, а взгляд невольно блуждал по всему классу. И только одно место в классе он тщательно обходил. Кто там ёрзает и сопит на другой половине парты? Лиде это совсем неинтересно.

И вдруг Лида нечаянно в упор посмотрела на своего соседа. Усатик усердно писал, помогая себе кончиком чуть-чуть высунутого языка. Ну-ка, чего он там намазюкал? Лида заглянула в Женину тетрадку и коварно улыбнулась. Так и есть! Буквы в Жениной тетрадке точно пришли к кому-то в гости: раскланиваются направо и налево.

— Как пло-охо! — с притворным сочувствием шепнула Лида.

Женя загородил локтем тетрадь:

— Ничего не плохо!

Минуты не прошло, и снова над его ухом прошелестело:

— Ой, ка-ак пло-охо!

Нижняя губа у Жени оттопырилась, уши начали медленно краснеть. Его взяло сомнение.

— А что у меня неверно? Костина, где у меня ошибка?

Лида будто не слышала. Перед Женей темнел её затылок. Торчали тугие косички с коричневыми бантами. Лида ещё больше повернулась спиной, немного склонила голову набок. Одна косичка свесилась над чернильницей в углублении парты.

Искушение было слишком велико. Просто невозможно было пропустить такой удобный случай, тем более, что девочке жалко показать, где ошибка. Женя осторожно ухватил двумя пальцами кончик косички, и он погрузился в чернильницу.

Затем всё произошло очень быстро. Лида внезапно шевельнулась. Мокрый хвостик, роняя фиолетовые капли, мазнул Женю по лицу и превратил его не только в Усатика, но и в Бородатика. Раздался вскрик Лиды, испуганно глядевшей на свою тетрадку, всю в кляксах.

И вот Лида стоит и плачет и зажимает в руке кончик косички. Между лиловыми пальцами стекают у Лиды лиловые капли.

Елена Сергеевна берёт Женю за руку и сама отводит его в угол:

— Останешься после уроков и при мне будешь снова писать это упражнение. Лида, ступай в умывальную и хорошенько отмой косу и руки. Галя Степанова, проводи её, помоги ей умыться.

Галя Степанова выводит плачущую Лиду. В классе напряжённая тишина. Лицо учительницы не просто строгое, а необычно недовольное.

Женя стоит в углу за счётами, но его не тянет потрогать пальцем белые и чёрные костяшки.

Хуже всего, пожалуй, что Елена Сергеевна не ругает Женю ни на уроке, ни на перемене. После звонка она, не глядя, говорит ему: «Иди в коридор». Она так рассердилась, что совсем не смотрит на него, точно его нет ни в классе, ни вообще на свете. Женя засматривает в лицо учительницы, но ни разу не может поймать её взгляд.

На следующем уроке Лида, которую Галя отмывала всю перемену, неподвижно сидела на самом кончике парты. Можно было подумать, что на другом конце парты змея и Лида боятся нечаянно к ней прикоснуться. На арифметике Женя придвинулся к Лиде и пробормотал:

— Я не нарочно обмакнул. . . Коса сама влезла в чернильницу. . .

Лида не шелохнулась.

Два урока она совсем не замечала Женю. А на последнем уроке, на «ручном труде», она показала подбородком на крышку парты и язвительно расхохоталась:

— Ха-ха-ха! Это что за уродики?

Им было задано сделать из бумаги домик и коробочку.

Женя и сам видел, что его изделия не очень красивы. Не то, что у Васи Грачёва, например. У того из весело раскрашенного дома с дверью и окнами даже вился клубами серый дым. Женин дом был просто белый и притом кособокий, а на коробочку точно кто-то немножко наступил ногой. . . Но разве так уж плохо?

Уже не обращая внимания на Женю, Лида с торжеством извлекла из коробки от маминных туфель, которую она всегда приносила с собой на уроки ручного труда, блестящую коробочку из голубой бумаги, сплошь усыпанную серебряными звёздочками.

Коробочка была великолепна, и рядом с ней Женина придавленная коробочка выглядела такой неуклюжей и жалкой, что Женя растерянно заморгал. Потом рывком, двумя руками схватил свои творения, над которыми вчера просидел не меньше сорока минут, и скомкал их.

Елена Сергеевна обходила парты, рассматривая домики и коробочки, и многих ребят хвалила.

— А где твоя работа, Сомов?

Красный и надутый, как индюшонок, Женя молча показал кивком головы на два белых комка на крышке парты.

— Ах так? — сказала Елена Сергеевна. — Ставлю тебе единицу!

— Кол! Кол! — зашептали ребята.

На лице у Лиды появилась довольная улыбка.

Учительница заметила это и нахмурилась.

— Очень нехорошо, Костина, радоваться чужим неудачам, — сказала она грустно. — Сомов тебя сегодня обидел и за это был и ещё будет наказан. А радоваться чужим неудачам не по-товарищески.

Маня Гусева подняла руку:

— Он её еще дразнит часто, что Лида его выдру боится.

Лида вся порозовела:

— Не так уж и боюсь!

Елена Сергеевна пристально посмотрела на Женю:

— А я тебя считала добрым мальчиком. . . — она вздохнула. — Видно, и правда, вас придётся рассадить. Не умеете вы жить мирно. С завтрашнего дня, Лида, поменяешься

местом с Валей Груздевой. Она сядет к Жене, а ты — к Васе Грачёву.

— И очень хорошо, — чётко сказала Лида.

Учительница оглядела класс:

— Ребята, вы понимаете, за что я поставила единицу Сомову?

— Задание не сделал! — закричал Яша Шлыков.

— Нет, не за это. Ведь работу он сделал, но потом уничтожил её. За неудачную работу я бы не поставила единицу, все мы еще учимся, у каждого может случиться неудача. А вот за то, что у Жени терпения, выдержки нет совсем, он и заслужил единицу. В прошлом году мы советовались, как помочь Жене терпеливо сидеть на уроках. Не пришлось бы нам и в этом году опять всем классом заняться Сомовым. . .

Лиде очень захотелось спросить Женю, — как это в прошлом году весь класс им занимался? Но она, конечно, не спросила, а, наоборот, повернулась к нему спиной.

И ещё в этот несчастный день Женя около часа просидел в классе вдвоём с учительницей. Елена Сергеевна проверяла домашние тетради, потом что-то выписывала в общую тетрадь из очень толстой книги. А Женя всё писал и писал упражнение, в третий раз подряд, потому что первые два раза вышло очень грязно. На душе у Жени было уныло и как-то мутно.

А на другой день он уже сидел с Валей Груздевой, толстой, спокойной девочкой. Лида переселилась к Васе Грачёву.

ЮННАТОВСКИЙ ПРОФЕССОР

На перемене пионер из шестого класса, Владик, подошёл к Жене.

— У тебя, говорят, ручная выдра живёт. Разреши нам её посмотреть. Мы — юннаты, и нам очень интересно.

Женя смерил мальчика взглядом, для чего ему пришлось задрать голову, и милостиво разрешил:

— Что ж, приходите. А вас не очень много? А то наши ребята тоже приходят. Если куча народу, Масенька может испугаться.

— Нет, мы только вдвоём с Катей придём. Хищниками мы с ней занимаемся. Катя больше львами, а я всякими другими.

Владик спросил Женин адрес и отошёл. Женя смотрел ему вслед с недоумением. При чём тут хищники? На Маську хочет посмотреть, а про львов говорит. . . Чудно!

Женя подошёл к Васе Грачёву и сказал ему небрежным тоном:

— Уже из шестого класса просятся к Маське. Пионеры-юннаты. . . с хищниками.

— С какими хищниками?— удивился Вася.

— Со львами. . . может быть, и с этими. . . с носорогами. Кто их разберёт! Ты непременно тоже сегодня приходи.

Вечером пионеры пришли к Сомовым. Долговязый, веснушчатый Владик и темнокожая, худенькая, застенчивая, невысокая для своих двенадцати лет Катя. Было совершенно непонятно, — что она может делать со львами, такая слабосильная и робкая?

Вася, Геня и Коля Прохоров подталанкивали Женю:

— Спроси её, спроси! Ты же здесь хозяин, это твой дом. И выдра твоя!

Женя нерешительно шагнул к гостье и от смущения выпалил очень громко, почти крикнул:

— А львы где?

Все засмеялись. А народу в этот час собралось много: папа вчера вернулся из рейса, и мама уже пришла с завода, и бабушка никуда не ушла.

Один Женя не засмеялся, а, наоборот, надулся.

— Львы у неё в кармане передника, — весело ответил Владик. И опять все засмеялись.

Потом Катя спокойно сказала:

— Львы в зоопарке. Я за ними наблюдаю. Львёнка иногда вожу на прогулку. Мы там в кружке юннатов. А где же ваша выдра?

Бабушка сидела на диване, закутанная в большой пуховый платок. Она приподняла край платка. На коленях у бабушки лежал темносерый клубок.

Катя и Владик наклонились над ним, чуть не сталкиваясь лбами:

— Как спит сладко!

Бабушка пощекотала серый бочок:

— Просыпайся, Масенька! Гости пришли.

Тихонько, мелодично свистнуло, потом застрекотало.

— Кричит чудно, — сказал папа. — Вроде по-птичьи, вроде и не по-птичьи, не поймёшь.

— Это она говорит: не мешайте мне спать, — сказала бабушка и положила выдру на пол: — Просыпайся, соня! Купаться будем.

Маська словно поняла. Развернулась и зашмыгала, заскользила по полу, ничуть не смущаясь присутствием стольких людей.

Почти все мальчики второго «б» класса, в котором учился Женя, да и многие девочки, уже не раз видели Маську; она потеряла для них прелесть новизны, поэтому не только Женя, но и Вася, Геня и Коля больше смотрели на Владика и Катю, чем на выдру. Зато пионеры глаз не спускали со зверька.

Вот Маська опрокинулась на спину, показав светлосерое

брюшко, и стала ловить свой хвост. Поймает и покусывает его белыми острыми зубами.

Катя присела на корточки и погладила её. С молниеносной быстротой метнулась Маськина голова с разинутой пастью. Катя поспешно отдернула руку.

— Не цапнула за палец? — спросил Владик.

— Не успела, — спокойно ответила Катя и смело потрепала перевернувшуюся на бок выдру по затылку.

Женя бросил на пол красный целлулоидный шарик. Шарик покатился. Маська весело гонялась за ним, точно и не она только что свирепо скалила зубы. Мурза презрительно смотрел с буфета, как ненавистная выдра резвится с его игрушкой.

— Ну, начнём водный кросс, — сказал Женин папа.

Посреди передней поставили корыто с водой. И Маська принялась нырять, плескаться, кувыркаться в воде.

— Видите, хвост у неё вместо руля, а передние лапы — вёсла, — говорил Владик. — Выдры плавают быстрее всех рыб, и, если бы выдре не надо было время от времени высовывать голову из воды, чтобы подышать, от неё не могла бы спастись ни одна рыба. Водятся выдры по всей Европе, в Северной и Средней Азии, в Сибири. Есть они и в Индии, и в Китае, и в Японии. Даже в Австралии, только там другая разновидность.

— Где ж их нет, этих сокровищ? — с неприязнью спросила Марья Сидоровна. Когда выдру начали купать, она вышла из своей комнаты и стояла позади всех, подпершись рукой.

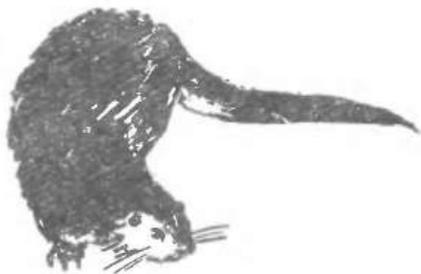
— За Полярным кругом выдры не попадались, — ответил Владик.

Папа сказал:

— На Северном полюсе вы были бы в безопасности, уважаемая Марья Сидоровна.

Женя заметил, что мама сдержала улыбку, а бабушка укоризненно качнула головой.

— Ох, грехи, грехи! — про-

бормотала Марья Сидоровна и отодвинулась поближе к своей двери.

— Товарищ профессор, — обратился папа к Владiku, — а выдры вообще в неволе живут? Или наш случай особенный?

— Известно много случаев приручения выдр, — ответил Владик, и в тоне его в самом деле было что-то профессорское. — Выдры отлично поддаются дрессировке. Конечно, в умелых руках. — Владик покосился на Женю. — В Китае, например, рыбаки даже приучают выдр к рыбной ловле. Надо с самого детства кормить выдру исключительно молоком и хлебом. Потом давать ей играть с рыбой, сделанной из кожи. Выдру заставляют доставать эту кожаную рыбу из воды и подавать хозяину. Потом ей бросают в воду настоящую, но мёртвую рыбу, а уж после — живую. Когда выдра выловит и подаст хозяину живую рыбу, не разорвав её, дрессировка считается законченной.

— Значит, и от них польза бывает, — с сомнением произнесла Марья Сидоровна.

— Конечно! Известны случаи, когда с выдрой даже на охоту за утками ходят, как с охотничьей собакой. Для этого надо...

Женя с тоской вспомнил Шумика. Как-то он охотится за утками?

— Подожди, Владик, — перебила бабушка. — Про охоту после расскажешь. Скажи лучше, какой величины она вырастет? Рост-то у Маськи какой будет?

— Взрослые выдры бывают больше метра. Некоторые виды достигают даже полутора метров. Конечно, с хвостом.

— В корыте не поместится, — решительно сказала бабушка. — У нас корыто маленькое.

Папа засмеялся. Но Владик оставался непоколебимо серьёзен.

— Корыто ей и совсем не подходит. Выдра — это настоящее водяное животное, в воде она проводит большую часть своей жизни.

— На озере ей жилось лучше, — задумчиво проговорил Вася. — Владик, а есть в зоосаду канавы с водой?

— Конечно, есть. Целые водоёмы.

— Ну, хватит. Всю воду уже на пол выплеснула. — Бабушка вытащила Маську из корыта и вытерла её тряпкой. Юннаты ещё немножко посидели и стали собираться домой. Мама проводила их и закрыла за ними дверь.

Дня через три Владик пришёл опять, на этот раз без Кати, очевидно занятой львами.

— Я поговорил в зоопарке, — сообщил он своим профессорским тоном. — Маську возьмут с удовольствием.

Женя оторопел.

— Куда возьмут с удовольствием? Кто возьмёт? — спросил он с недоумением и с испугом.

— В зоопарк возьмут. В отдел хищников.

— Да кто её отдаст, во-первых? — закричал Женя. — Ты дурак просто, хоть и юннат! И зачем её в хищники? Маська хищник, что ли? Что она — лев?

— Женя, не вопи и не ругайся! — сказала бабушка.

— Она не лев, конечно, — невозмутимо ответил Владик. — Но она — самый настоящий хищник. Выдры куньей породы. А все звери из породы куниц — хищники, и очень кровожадны. Она сейчас добрая, потому что еще очень молодая. А что будет потом. . .

— Вот! Вот! — раздалось из кухни, где, прикрыв дверь, чтобы не проникла Маська, стряпала Марья Сидоровна. — Всех перекусает, перегрызёт. Мурзиньку-то бедного уж хватанула.

В самом деле, сегодня Маське удалось подкрасться к Мурзе, неосторожно заснувшему на ковре. С поразительной быстротой выдра в него вцепилась. Укусила она его прямо за горло. Кот заорал чужим, не котиным, голосом и удрал с окровавленной шерстью. Все очень испугались. Бабушка отлупила Маську кухонным полотенцем. Маська громко верещала и шмыгнула под буфет. А через минуту, как ни в чём не бывало, влезла на подоконник со стула, кем-то поставленного у окна, и столкнула на пол цветочный горшок. Горшок разбился, бабушкина любимая бегония измялась. . .

— А, уже укусила кота? Ну, понятно. . . — Владик кивнул головой. — Хорошо, что она не откусила кому-нибудь палец.

— Ничего не поделаешь, — вздохнула бабушка, — придётся с Масенькой расстаться, пока она совсем не освирепела.

— Конечно, если бы у вас был сад с водоёмом или с прудом. . . — начал Владик.

Женя громко заревел, подскочил к Владиду и толкнул его.

— Да что ты там болтаешь? — крикнул он сдавленным голосом. — Всё равно мы Маську не отдадим! И кто тебя вообще просил говорить про неё зоосадникам? Чего ты суёшься? Ну, кто тебя просил?

Владик протянул руку, защищаясь от Жениных кулаков, и спокойно ответил:

— Твоя мама.

Женя отпрянул:

— Как, мама? Когда? Что ты врёшь?

— Нисколько не вру. Еще когда в первый раз мы приходили, твоя мама закрывала за нами дверь и сказала: «По-

говори там в зоосаду, не примут ли туда Маську. Ведь не век её здесь держать. Бедокурит сильно».

У Жени перехватило дыхание.

Мама, всегда весёлая, добрая, от которой никогда не попадает Жене! Наоборот, маме самой нередко попадает от бабушки за то, что балует Женю. «Мои баловники», — вот как иной раз называет бабушка маму с Женей. Мама, от которой, когда она возвращается с завода и из вечернего техникума, всем только одна радость — и Жене, и папе, и бабушке. Со всеми мама шутит, ласковая, хохотунья.

И вдруг эта мама оказалась обманщицей! Возможно ли это?

— Ты врешь, всё врешь! — ревел Женя.

— Нет, это правда! — сурово сказала бабушка. — Твоя выдра из кухни и отовсюду нашу Марью Сидоровну выживает, — разве это хорошо? Человек на пенсии, живёт в этой квартире чуть не сорок лет. Какое ты имеешь право так распоряжаться? Да и вообще...

Женя ничего не слушал и голосил, зажмурив глаза. Владик ушёл с обычным своим профессорским, но сейчас — вдобавок — и расстроеным видом.

Вечером мама, немножко смущённая, уговаривала Женю:

— Ну, не подумала я, Женька, что надо бы сперва с тобой потолковать. В этом я виновата. А вообще куда нам выдра? Пожила, повозился ты с ней — и хватит. Грязь кругом разводит, беспорядок. Марью Сидоровну бы пожалел.

— Никого он не жалеет, — сердито сказала бабушка.

Женя отталкивал мамины ласковые руки, обнимавшие его за плечи, и упрямо твердил:

— Не отдам! Не отдам! Всё равно не отдам! Мне эта Маська, может, дороже всего на свете.

Мама встала с дивана и отошла от Жени.

— Ладно, пусть ещё поживёт зверюшка, — тихонько сказала она бабушке. — Видишь, как он убивается. Там посмотрим...

— Ты, конечно, и крокодила бы позволила ему держать, только бы не ревел, — отозвалась бабушка.

ВАСЯ ГРАЧЁВ

Уже вторую неделю Лида сидела на одной парте с Васей Грачёвым. Это был круглолицый, весёлый, приветливый мальчик, который охотно делился своим имуществом со всем классом. Попроси у него резинку, карандаш, вставочку, — сразу достанет из пенала и протянет: «Бери». Непонятную задачу он вмиг объяснит. Упражнение в твоей тетради проверит и посоветует исправить, где надо, «о» на «а» или «е» на «и».

С Васей каждый очень быстро начинал чувствовать себя попросту, по-свойски, точно ты знаешь его всю свою жизнь и можешь быть твёрдо уверен, что он тебя ни в чём не подведёт, не обманет.

С ним было интересно поговорить. Вася рассказывал содержание прочитанных книг так, что заслушаешься, но, пожалуй, ещё интереснее было слушать про рыбную ловлю в деревне, где Вася жил каждое лето у каких-то родственников.

Поболтать, пошутить Вася очень любил, но только не на уроках. На уроках с ним не поговоришь. Он сидит и слушает, смотрит на учительницу, а шепни ему что-нибудь, хоть самое занятное, он поведёт досадливо плечом, и услышишь от него только одно слово: «Потом».

Как-то Вася сказал Лиде:

— А я знаю, отчего ты дольше всех в классе писала контрольную.

— Отчего?

— Ты, когда пишешь, всё время ворон считаешь.

Лида сделала вид, что не поняла:

— Каких таких ворон? У нас в классе нет ворон.

— Видно, есть, раз ты всё время их считаешь. Глядишь по сторонам и считаешь.

— Да я не гляжу... У меня само глядится.

— Хоть и само, а ты не гляди. Ты, знаешь, как сделай? Дай сама себе слово: буду глядеть только в тетрадку. И на доску. А больше никуда, ни за что! Называется зарок.

— Как это — зарок?

— А так. Значит, сам себе обещался: вот не стану чего-нибудь делать. Папа говорит: «Я дал себе зарок не курить».

И правда, не курит. Пачку папирос велел мне выбросить в мусорное ведро. Потому что — зарок.

— За-рок, — задумчиво повторила Лида. — А если всё-таки посмотрится. . . на Маню Гусеву или вон на тот наш календарь погоды?

— А нельзя, раз зарок! На перемене посмотришь календарь. Убежит он, что ли? Ты сегодня же и попробуй на письме. Один урок только. А потом опять считай своих ворон.

Лида попробовала. Ей показалось, что получилось ничего себе: один раз, в конце урока, она поглядела на Васю, а то всё смотрела в тетрадку, на доску и на учительницу. Но, когда прозвенел звонок, Вася сказал:

— Четыре раза поймалась. А, может, и пять. Гуляла глазами по партам.

— А вот на чистописании не погуляю.

— Поспорим, что, хоть раз, да погуляешь.

Это было похоже на игру. Они заключили спор. Валерка Мухин ребром руки стукнул по их стиснутым, как в рукопожатии, рукам. Три раза Лида проиграла: один раз, оказывается, зачем-то долго смотрела на дверь, другой раз — на Колю Прохорова, который ковырял в носу, третий раз — самой себе под ноги. . . Потом Лида выиграла. Вася даже удивился:

— Твоя взяла! Молодец!

— Вот видишь! А ты говорил, что мне никогда не выиграть.

Лида заметила, что, как ни странно, урок проходит гораздо быстрее, когда она выигрывает.

Вася был, безусловно, славный мальчик. Но, по мнению Лиды, у него был один крупный недостаток: Вася очень любил Женю Сомова. На перемене он почти всегда ходил с ним, а не с кем-нибудь другим, они о чём-то шептались, смеялись, иногда горячо спорили, и домой из школы они большею частью шли вместе.

— Противный твой Женька, — сказала как-то Лида. — Сидит с этой толстой Валюшкой, и пусть. И зачем ты с ним водишься?

— Какой же он противный? — возмутился Вася. — Он мой лучший друг.

— И друга же ты себе сыскал — нечего сказать! — насмешливо отозвалась Лида. — Каждые пять минут получает по замечанию. И с утра до ночи хвастается своей дурацкой выдрой. Какой-то там Марамаськой.

— Маська её зовут. Почти весь класс её уже видел, даже из шестого класса приходили пионеры.

Вася задел больное место Лиды: да, весь класс видел выдру, ребята уже и рассказывать перестали об её проделках, и только Лида до сих пор толком не разглядела зверюшку.

Лида нахмурилась. Вася предложил:

— Пойдём вместе посмотреть на Маську. Знаешь, как она выросла!

— Никуда я не пойду! Об этой крысице я и слушать не желаю. И видеть мне её незачем!

Но через несколько дней Лиде пришлось увидеть Маську. И произошло это при самых неожиданных обстоятельствах.

КВАЛИФИКАЦИЯ

Пока бабушка прибирала в комнатах, Маська забралась на плиту, столкнула крышку с кастрюли и не столько съела кашу, сколько разбросала её по всей плите. Вся семья осталась без второго. Бабушка и мама брезговали есть после выдры. Женья, не любивший кашу, на этот раз умолял дать ему остатки. Но ему не дали. Настроение у бабушки и так испортилось, а тут случилось новое происшествие.

Бабушка несла из кухни в столовую кастрюлю с горячим борщом. Маська подвернулась бабушке под ноги, и бабушка споткнулась. С кастрюли свалилась крышка и загремела об пол. На чистом паркете расплылись жирные пятна.

Мама и папа вскочили из-за стола и бросились к бабушке.

Бабушка поставила кастрюлю на стол:

— Еле-еле удержала. Зверь проклятуций! — и добавила в сердцах: — Я тут с вами квалификацию потеряла.

Женья слез со стула и виновато стал осматривать пол возле двери, где споткнулась бабушка, заглянул и под диван.

Последнее время он всегда чувствовал себя виноватым, когда Маська что-нибудь вытворяла. За каждую провинность он шлёпал её по морде. Маська шарахалась в сторону и сердито верещала. Но через пять минут всё равно лезла куда попало, что-нибудь опрокидывала или стаскивала со стола.

Отдышавшись и помахав руками, которые обдало горячим паром, бабушка спросила Женю:

— Что ты там ищешь?

— Так ведь ты какую-то квалификацию потеряла, когда Мася тебя чуть не повалила.

Мама и папа рассмеялись.

— Квалификация на полу не валяется, — сердито сказала бабушка. — Садись и ешь! — Она села за стол. — А твой этот юннатский профессор, Владик-то, кругом прав: надо Маську отдать в зоосад.

— Ни за что!

— Сегодня она меня чуть не обварила, завтра сама обварится или еще чего похуже сделает. Но не в этом дело. . . — Бабушка помолчала. — На нашей фабрике рабочие руки страсть как требуются. Женя уже подрос. В школу его к двум часам отправить, когда мы с Варей обе в утреннюю смену будем, — охотно соглашается Марья Сидоровна.

— Ты опять своё! — жалобно сказала мама.

— А из школы он придёт, так я уж давно дома буду. — Голос у бабушки был непреклонный. — Одна беда: Марье Сидоровне наша прекрасная Масенька не

даёт свободного ходу по квартире. Марья Сидоровна так и говорит: «Да неужели я Женечку не накормлю перед школой, и не присмотрю, и не отправлю? Да я его с пелёнок знаю. Меня, говорит, только выдра останавливает».

— Прасковья Ивановна, я вас очень прошу, пусть Женька хоть в третий класс перейдёт. — Папа сказал это таким просительным тоном, что лицо у бабушки смягчилось. — Вы же знаете, Варя по вечерам в техникуме. . .

Бабушка опять стала суровой.

— А её никто и не привязывает к дому. Если б не выдра, так Марья Сидоровна с удовольствием. Выдра её только останавливает.

— Да зачем мне Марья Сидоровна? — от досады тонким голосом пропищал Женя. — Если эта старая трусиха. . .

— Молчать! — прикрикнул отец. — Как ты смеешь так говорить о старом заслуженном человеке?

Обед закончился в полном молчании.

Потом мама стала собирать папу в рейс: он уезжал с ночным поездом. Бабушка перемыла посуду и куда-то ушла. Маська спала. Женя сделал уроки, хотел почитать, но вдруг вспомнил и подошёл к отцу, лежавшему на диване с газетой.

— Папа, а что это. . . вот бабушка потеряла. . . квали. . . кация какая-то?

— А-а, — сказал отец. — Квалификация — это уменье хорошо работать. А ты её на полу искал, дурачок. Бабушка наша — отличная ткачиха, у неё высокая квалификация. Конечно, она её еще не потеряла, но боится, что от долгого бездействия утратит сноровку. Квалификация, брат, дело большое, она годами приобретается. Вот, к примеру, машинист или хоть тот же кочегар. . .

Папа стал рассказывать, как постепенно кочегару всё легче и легче даётся его нелёгкая работа, как всё лучше и лучше он узнаёт паровозную топку и все сорта угля. Женя слушал, и, хотя теперь он понял, что такое квалификация, ему всё-таки почему-то казалось, что это что-то живое, вроде зверя. И некрасивое, — не сравнишь с Маськой. Но вот бабушке она нравится, эта квалификация, похожая на облезлую

гусыню, и она тянет бабушку из дому прочь от Жени с Маськой.

Ночью папа уехал в рейс. Рано утром, еще лёжа в кровати, Женя слышал, как бабушка о чём-то спорила с мамой.

А днём позже, когда Женя вернулся из школы, бабушка деловито сообщила ему:

— Завтра мне с утра на работу, так давай приучайся перед тем, как уходить в школу, запирать Маську. Жаль, клетки нет. Ну, пробуй, под силу тебе этот чемодан сдвинуть?

Уже некоторое время бабушка, уходя в лавку, если Жени не было дома, засаживала Маську в ящик, а сверху что-нибудь ставила. Сперва это была бельевая корзина, но вскоре Маська научилась её сдвигать и вылезала, тогда бабушка стала покрывать ящик противнем, который придавливала кирпичами. Маська и это сооружение стлкнувала головой — с каждым днём она становилась сильнее. Наконец, бабушка приспособила чемодан и уже поверх чемодана укладывала кирпичи.

Итак, «квалификация» пересилила Женю с Маськой. Бабушка отдала ей предпочтение и ушла работать в свой цех.

ПРОПАЖА

На улице было холодно. Противный осенний дождик перестал, но зато подул ветер. Всё-таки мама отпустила Лиду проводить папу до угла. Он сегодня поехал в свой институт к двенадцати. А Лиде надо же подышать свежим воздухом перед школой.

Вернувшись во двор, Лида слонялась от подъезда к подъезду, перепрыгивала через лужи, осторожно ходила по ним. Чёрные резиновые ботики от воды заблестели. Только ботики и блестели. А всё вокруг — небо, дома, голые сучья деревьев посреди двора — было серое, тусклое.

Никто не гулял, и Лида уже хотела идти домой, как вдруг услышала какие-то странные звуки. Кто-то всхлипывал, бормоча, задыхаясь, громко хлопая носом.

Лида насторожилась: откуда это? И вдруг из подъезда выскочил Женя Сомов. Да в каком виде! В одной тонкой мятой рубашке с незастёгнутым воротом, с голой стриженной головой — это в такой-то холод! — весь синий, дрожит, один чулок спустился, по лицу слёзы текут. Выскочил и давай кричать:

— Мась-Мась! Мась-Мась!

Озирается по сторонам, завыл тихонько и опять со слезами, со всхлипами:

— Мась! Мась!

Лида подошла к нему и сказала рассудительно:

— Ты с ума сошёл — голый бегать, когда поздняя осень на улице! Простудишься!

Тут Женя её заметил и заревел в три ручья:

— Уб-бежа-ала! Пропадёт теперь. . .

— Кто убежал? Говори толком!

— Ма-аська! Наверно, на улицу убежала. Я везде искал, весь обыскался. Дверь была заперта, я не открывал, может, Марь-Сидра-на-а нечаянно выпустила-а. . .

И опять заплакал, да так горько, что Лиде жаль его стало. Она решительно взяла его за руку:

— Ступай в дом, оденься! Голый ты дольше не найдёшь.

— Она, может, в подвал заползла. Ты не видела?

— Ничего я не видела. Иди, иди! — Лида двумя руками втолкнула Женю в подъезд и потащила его вверх по лестнице.

— Ты на каком этаже живёшь?

— На третьем. Ой, а я дверь не захлопнул? У меня ключа нет.

К счастью, дверь оказалась приоткрытой. Лида довела Женю до двери и хотела уйти. Но теперь он схватил её за руку.

— Не уходи! Я пальто надену, вместе пойдём искать.

И Лида вошла в квартиру. От удивления она остановилась в дверях столовой. Это что же такое? Кутерьма какая-то, а не комната. Всё разбросано, расшвырено. На столе тетрадки, тарелка с сосиской, стакан и. . . мячик. Диванная подушка валяется на полу рядом со шваброй.

— Почему так не прибрано? — спросила Лида.

— Да ведь я Маську искал. Видишь, тыкал шваброй под буфетом, везде. А бабушка и мама утром работают. Пальто еще куда-то делось!

Женя побежал в другую комнату. Лида пошла за ним. Постель даже вся сбита. Но что это? Скомканное одеяло зашевелилось, и вдруг оттуда высунулся чей-то нос. Кошка там? Застрекотало по-птичьи, не по-птичьи. . .

Лида попятилась.

— Она! — пронзительно вскрикнул Женя. В неистовом восторге кинулся к кровати, разгрёб одеяло и простыни. — Маська! Вот где ты, миленькая моя! А я думал, ты на улицу убежала!

С жадным любопытством и с некоторой опаской Лида разглядывала зверя, которого обнимал и тормозил Женя. Так вот она какая, эта Маська! Серо-коричневая, пушистая, вся какая-то круглая, только хвост на конце тонкий. Сейчас она на крысу меньше похожа. Разве у крыс бывают лапы с перепонками, как у уток? Круглой головой и туловищем эта зверюга немного напоминает тюленя, которого Лида видела в зоосаду.

— У-у, глупенькая! Как я испугался! — радостно болтал Женя. — Знаешь, она, наверно, под матрас забилась, она всюду залезает, поэтому я ворошил постель, да не нашел её.

— Ну, я пойду, — Лида шагнула к двери.

— Нет! Нет! Не уходи. Я забыл, что задано по русскому.

— Как?! Ты еще уроки не выучил?

— Да когда же мне было, если я Маську искал? Она давно потерялась.

Выдра перевернулась на спину и стала играть хвостом, перебирая его передними лапками. Лида засмеялась.

— Правда, она хорошая? — спросил Женя.

— Кажется, ничего... — сдержанно ответила Лида. — Ты куда её сейчас денешь? На пол пустишь?

— Накормлю и в ящик засуну. Ты мне поможешь чемодан сверху поставить?

— Не знаю...

Пока Женя кормил выдру мясом и кашей, Лида стояла на пороге кухни, готовая вмиг выскочить и захлопнуть дверь.

— Как ест быстро, — заметила она слегка ослабевшим от волнения голосом.

— Прожора она. Ну, всё. Больше нету.

Женя поволок выдру в переднюю. Лида увидела выдрино жилище. Большой высокий ящик, в нём настлано что-то мягкое.

— Вот ты её боишься, — укладывая выдру на дно ящика, сказал Женя. — А в Китае рыбаки даже приучают выдр ловить рыбу.

— Но ведь здесь не Китай, а передняя, — возразила Лида. — И ты не рыбак, а просто Женька.

— Ложись ты! — Женя хлопнул выдру по торчащему из ящика носу. Но Маська упорно вылезала, цепляясь когтями за края ящика. Женя заталкивал её обратно, а она высовывала голову, карабкалась — вот-вот шмякнется на пол.

Лида взялась за ручку двери, которая вела в кухню.

— Не хочет сидеть в ящике твоя Маська.

— Она купаться хочет. Ведь она водяное животное. А есть у меня время её купать? — Женя опять сильно хлопнул Маську по голове. Выдра дёрнулась в сторону и заверещала.

Лиде стало жаль зверюшку.

— Тебя бы так — всё по носу да по носу! Ей, наверно, плохо в ящике...

— Ничего не плохо. Избаловалась просто. Посмотри на ходики в кухне, — который час?

Лида заглянула в кухню.

— Ой, уже без двадцати пяти час!

— Да что же я делать буду? — в отчаянии завопил Женя. — Не на голову же ей чемодан ставить?

— А зачем её непременно запихивать в ящик? Я сейчас уйду. . .

— Да-а, оставь-ка её на свободе! Она вчера бутылочку с чернилами на кровать опрокинула. На белое покрывало.

Лида ахнула:

— Неужели правда?

— Ещё бы не правда! — с некоторой даже гордостью сказал Женя. — Влезла на письменный столик, взяла в зубы бутылочку, отнесла её на кровать и там вылила.

— Ужас какой!

— А ты что думала? Она всё умеет, Маська! Бабушка велит запирать непременно. И еще Марь-Сидрана куда-то ушла. Да от неё толку нету с выдрой. . . Ложись, тебе говорят! — Женя колотил Маську; она верещала.

— Да что ж это такое? Ты её бьёшь, она кричит. . . — Лида взволнованно топталась на пороге кухни.

— Ой! Ничего я не успею! — Женя разревелся.

— А ты, оказывается, рёва. . .

— Будешь тут рёвой!

— Да ты, и правда, опоздаешь в школу! — Лида всерьёз забеспокоилась. — Ещё тебе чулки подтянуть, одеться, умыться. . . Ой, что я придумала! — воскликнула она. — Я маму позову! И как это я сразу не догадалась? Мама тебе поможет засунуть Маську в ящик.

— Зови скорей! А я пока хоть форму надену.

Женя отпустил выдру, и та сразу — плюх на пол. Лида опрометью выскочила на лестничную площадку.

Мама упрекнула Лиду:

— Что ж ты так долго гуляла? Погода плохая. Я уж хотела за тобой идти.

— Мамочка, скорей, скорей! Там выдра вылезает из ящика. Женька ревет, у него чулки спустились! Он забыл, что по русскому задано. Просто ужас, что такое!

Мама ничего не поняла, но Лида так запыхалась, так тормошила и торопила её, что мама поспешно оделась и пошла за дочкой.

— Какой занятный зверь! — говорила мама, разглядывая Маську. — Но ведь ей непременно вода нужна.

— Мамочка, они её купают в корыте, но разве Жене есть сейчас время? Он еще упражнение не написал!

— Знаешь что, Женя? — сказала Лидина мама. — Принеси её к нам. У нас большая ванна. Пусть твоя выдрочка поплавает.

— Хорошо, принесу, — сказал Женя.

— Мамочка, какая ты храбрая! — восхищалась Лида.

Женя крепко держал выдру, прижав её к стенке ящика, а Лидина мама осторожно ставила сверху чемодан, и при этом пальцы её не раз касались Маськиного меха.

Под недовольное верещанье Маськи Женя умылся, переоделся, сложил книги. Лида и её мама ушли, когда он стал похож на школьника.

— А упражнение — сразу скажу Елене Сергеевне, что не успел, — заявил он беспечно. — А потом бабушка в вечер станет работать.

— Какой он всё-таки смешной, этот Женька; правда? — сказала Лида маме. — Только что ревел и уже веселится.

КУРЬЕРСКИЙ ПОЕЗД И ЧЕРЕПАХА

Женя не заставил себя долго ждать: на другое же утро притащил Маську в квартиру Костиных.

Лида сама открыла дверь. Увидев в руках у Жени обвязанную платком кошолку, в которой что-то ворочалось, де-

вочка, даже не поздоровавшись, опрометью бросилась в комнаты, крича изо всех сил:

— Мама! Папа! Выдра пришла! Скорей!

Мама вышла в переднюю.

— Здравствуй, Женья. Снимай пальто.

— Здравствуйте, — ответил Женья. — Где у вас ванная?

Из кошелки раздался нетерпеливый стрекот, как будто Маська понимала, в чём дело.

Пока ванная наполнялась водой, Маська шмыгала по столовой. Все на неё смотрели. Лида держалась поближе к папе.

— Ты не опоздаешь в институт? — голос у неё немножко дрожал. — Скоро уж мы её опустим в воду.

Папа засмеялся.

— Не бойся, девочка! Выдры так просто, ни с того, ни с сего, на людей не бросаются.

— Я не боюсь, я даже... если хотите... могу её... погладить.

— Пожалуйста! — Женья поймал Маську.

Лида издали протянула руку и прикоснулась к серому меху. И запрыгала от радости:

— Вот и погладила! Вот и погладила! — и вдруг закричала испуганно: — Ой, мамочка!

Женья уже спустил Маську с рук, и тотчас она понеслась... прямо к Жмурке.

Котик стоял в дверях и, потягиваясь, жмурился, точно улыбался. На пушистой мордочке ласковая лень. Но вот его как ветром сдуло, миг — и он уже на диване и оттуда смотрит на невиданного зверя с удивлением и безо всякой улыбки.

Женья поспешно схватил Маську, прижал её к себе и, покосившись на Жмурку, сказал:

— Ванна уже, должно быть, полная...

Он не решился сказать, что Маська кусает котов.

Одно удовольствие было смотреть, как Маська резвится в большой белой ванне. Потом Женья вытер её старой простыней, которую дала ему Лидина мама.

Через день Женья опять пришёл к Лиде. Кроме выдры, он на этот раз прихватил с собой тетрадки.

— Выучим вместе уроки.

— Я почти сделала, — сказала Лида. — Только задача по арифметике осталась.

Выкупанную выдру закрыли в передней, чтобы не отвлекала, а Лида и Женя уселись рядом за стол.

Лиде надо было решить одну задачу, а Жене — и задачу, и пример, и упражнение по русскому написать. И всё-таки он кончил раньше. Лида еще первый вопрос писала, а Женя уже справился со всеми уроками.

— Какая ты медленная! — поразился он.

Лида хотела обидеться, но раздумала.

— А ты, а ты... всё равно как заяц. Бежит изо всех сил от охотников, ничего не разбирает.

Теперь Женя хотел обидеться, но не успел: Лидина мама весело сказала:

— Женя, да ты, как курьерский поезд! Мы и оглянуться не успели, а ты уже доехал до станции.

— Я — как мой папа на своём паровозе! — хвастливо сказал Женя.

Лидина мама посмотрела в его тетрадку и покачала головой:

— Нет, уж с папой ты себя, дружок, не сравнивай. Папин паровоз вó-время приходит на место, и всё у него в порядке. А тебе надо бы всё снова переписать, — очень уж небрежно написано. Эх вы, работяги! Одна еле рукой шевелит, всё о чём-то думает, другой несётся на всех парах...

— Он — торопыга! — закинув голову, смеялась Лида.

— А ты у меня зато самая настоящая черепаха, — сказала мама.

И Женя тоже рассмеялся.

Теперь, когда они вместе готовили уроки, Лида приговаривала:

— Не спеши, курьерский поезд! Ты опять на поезде? На курьерском, да?

— А ты, черепаха, поторапливайся! — отвечал Женя.

Так они подсмеивались друг над другом, но всё-таки Лида старалась писать побыстрее, а Женя, наоборот, удерживался, чтобы так не торопиться.

Отправляясь в школу, они поджидали друг друга у подъезда — их подъезды находились рядом.

— Кричит? — спрашивала Лида.

Женя кивал головой. Если было рановато идти в школу, они поднимались по Жениной лестнице. Уже на втором этаже были отчётливо слышны громкий стрекот, верещанье, свист. Это в ящике, под чемоданом, вопила Маська.

— Несчастливая! — говорила Лида.

ОПЯТЬ ВМЕСТЕ

На уроке ручного труда ребята клеили из бумаги всякую мебель. Лиде очень хотелось посмотреть, как у Жени получился диван. Кроме того, Лида боялась, что Женя перемажется в клей. Домашнее задание по ручному труду они делали вместе. Женя совсем не умел держать кисточку и ровным слоем намазывать клей. Лида его научила. Но, может быть, он опять всё забыл?

И вот Лида привставала на своей парте, оборачивалась назад. А Жене тоже хотелось показать Лиде то, что он смастерил, и он издали делал ей какие-то знаки.

Елена Сергеевна сказала:

— Женя! Лида! Сидите спокойнее! После звонка покажете друг другу свои творения.

— А я хочу сейчас! — смущённо прошептала Лида, вертясь на парте.

На перемене Женя сказал:

— Жаль, что мы не вместе сидим.

— А ведь сидели когда-то. . . — сказала Лида.

— Хорошо бы опять!

→ А знаешь что? Давай попросим Елену Сергеевну!

Они подошли к учительнице. Женя, конечно, заговорил первый:

— Елена Сергеевна, можно мы сядем вместе с Лидой? Ведь мы прежде сидели.

— Да, можно, пожалуйста, мы сядем вместе? — повторила за ним Лида.

— А ссориться не будете? — спросила учительница.

— Нет, не будем!

— Не будем, — как эхо, повторила Лида.

— А болтать?

— И болтать не будем.

— Не будем, не будем, — повторила Лида.

— Ну, смотрите! Садитесь вместе, но, предупреждаю, если будете получать замечания, — сразу расскажу.

Валя Груздева без возражений переселилась обратно к Васе Грачёву, — ей было всё равно, где сидеть. Вася немножко удивился:

— Лида, ты же говорила, что Женя плохой!

— Не совсем хороший, ну, ничего, — сказала Лида. — Всё-таки я хочу с ним сидеть.

— Только зарок свой не забывай, — посоветовал Вася.

ЩУКА ИЗ ОБУВНОГО МАГАЗИНА

Накануне Лида с Женей сговорились вместе готовить уроки. Утром Лида подождала-подождала Женю и разложила на столе тетради. Писала она и всегда медленно, а тут и совсем не спешила, часто останавливалась и прислушивалась, не раздастся ли звонок. Но вот она закончила все уроки, а звонка так и не было.

«Не заболел ли Женя?» — подумала Лида и попросила маму:

— Мамочка, можно, я схожу к Жене? У меня уже и портфель сложен. Он ведь хотел прийти. Что-то с ним случилось, может быть.

И мама отпустила её на полчаса.

Когда Лида позвонила к Жене, дверь ей открыл Вася. Он был не в школьной форме, а в простых штанах и рубашке с «молнией». Какого-то странного цвета была на Васе одежда: где — светлокориичневая, а где — тёмная.

Лида хотела спросить, отчего Вася в пятнах. Но вдруг поняла, что он просто мокрый. От воды материя потемнела, и штаны на коленях, рукава до локтей и вся грудь рубашки стали пёстрыми.

Лида спросила с удивлением:

— Кто тебя облил?

Вася рассмеялся.

— Никто не облил. Мы просто рыбаки.

— Рыбаки?

Но Вася уже убежал. Лида перешагнула порог столовой и сразу ступила в лужу.

— Ой! Вода пролилась. . . А, вы Маську купаете?

Картина знакомая: Маська полощется в корыте. Но зачем на полу возле корыта лежит резиновый петух, каким играют совсем маленькие дети? И тут же валяется сандалия. Если это Женина, то он носил её года три назад. А это что такое? Довольно большая рыбина из толстого картона, раскрашенная цветными карандашами. Жаль, что кончик хвоста оторван.

— Откуда у вас такая? — Лида нагнулась и подняла рыбу. — Да она вся мокрая!

— Это сазан, — сказал Женья. — Знаешь, какой красивый был сначала! Это Вася такого сделал.

Женья, тоже в мокрой рубашке, стоял над корытом с чайником в руках. Он наклонил чайник. Струя воды полилась на Маську.

— Зачем ты её поливаешь? — удивилась Лида.

— А я её и не поливаю. Я просто доливаю воду. А то очень выхлестывается. . . Вася, бросай щуку! Может, она на щуку приманится.

Вася поднял с полу сандалию и бросил её в корыто. Раздался всплеск. Маська шарахнулась от сандалии, которая шлёпнулась в воду. Брызги полетели на мальчиков. Лида начала понимать, почему они оба такие мокрые.

— Вы кормите Маську башмаками? — с изумлением спросила Лида. — Разве она будет их есть!

— Глупая ты! Да кто её кормит башмаками? Тш-ш! — сам себя перебил Женья и зашептал: — Смотрите! Смотрите!

Маська приподняла голову, оглянулась на сандалию, колыхавшуюся на воде, подплыла к ней и ткнула носом. Потом прихватила её зубами.

Мальчики вытаращили глаза, в которых светились волнение и надежда, затаили дыхание. Невольно застыла в ожидании чего-то необыкновенного и Лида.

Женя протянул левую руку — в правой он держал чайник — и тихонько, заискивающим голоском стал упрасивать:

— Мась-Мась! Дай щуку! Дай, Масенька!

И Вася поманил рукой и тоже позвал нежно, ласково:

— Дай сюда! Ма-ась-Мась!

Выдра поглядывала на мальчиков блестящими глазками, держа в зубах край сандали.

— Дай, Мась! Дай мне! — молил Женя. — Ну, миленькая!

Маська выпустила изо рта сандалию, перевернулась на спину и поплыла как ни в чём не бывало.

— Негодяйка! — вскрикнул Женя и от досады подпрыгнул на месте. Чайник в его руке накренился. Вода полилась Жене на ноги.

— Тьфу! — Женя отскочил от струи, а чайник не выпрямил, и вода полилась ещё сильнее. Женя опять отпрыгнул с криком.

Вася и Лида расхохотались.

— Да поставь ты его на пол! — сквозь смех проговорила Лида. — С чайником прыгает! Ха-ха-ха!

Женя рывком поставил чайник, отошёл от него, словно боялся, что чайник сам к нему прицепится, и растерянно спросил Васю:

— Побить её, что ли? За то, что не слушается!

— Маську, да? — спросила Лида.

— Не тебя же! — ответил Вася. — Нет, не надо бить. Я в одной книжке читал про Дурова. Там сказано: наоборот, надо вкусное дать, когда зверь выполнит приказание.

— Так она, что ли, выполнила? — оттопыривая нижнюю губу, Женя, весь красный, наседавал на Васю. — Выполнила она — как же! Болтаешь, сам не знаешь что!

— Смотрите не подеритесь, пожалуйста! — Лида сбросила на диван шубку: до сих пор она не успела раздеться. — А зачем вы непременно хотите, чтобы она вам подала эту старую сандалию?

Женя и Вася переглянулись.

— Она ничего не понимает, — удивлённо проговорил Вася. — Можно ей сказать, а, Женя?

— Скажи, конечно, скажи! — воскликнула Лида.

Вася на неё и не взглянул, ждал ответа от Жени.

— Раз она всё равно увидела, — сказал Женя, — чего уж тут! Только ты, Лида, никому не говори!

— Я никому не скажу! — торопливо пообещала Лида.

— Так вот! — Лицо у Жени стало торжественное, что очень не вязалось с грязными полосами на его щеках и на носу. — Во-первых, это никакая не сандалия, вон там — в корыте!

— В реке! — укоризненно поправил Вася.

— Да, конечно, в реке! А я что говорю? Что это никакая не сандалия, а щука! Ясно? И, во-вторых, мы учим Маську ловить рыбу.

— А-а, догадалась, догадалась! Вы играете, что вы — рыбаки в Китае.

— Плохо ты догадалась. Мы, во-первых, не в Китае, а в Ленинграде, — что ж ты, не видишь? А во-вторых, мы совсем не играем, а учим

Маську взаправду. Потому что мы хотим, чтобы все вдруг удивились. И тогда всем расхочется отдавать Маську в зоосад, — кто же отдаст такую учёную, дрессированную?

— Не найдётся таких дураков, — подтвердил Вася.

— И летом она бабушке даже рыбы на озере наловит. Вот! — закончил Женя. — И это наш секрет, что мы её учим.

— Чтобы все удивились, — добавил Вася, — дрессируем в секрете.

— А она у вас... дрессируется? — осторожно спросила Лида.

— Ни капли! — с мрачной откровенностью признался Женя, сел на пол и обхватил колени руками.

— Ты, кажется, сел в лужу, — с огорчением сказала Лида.

— Пусть. Мне всё равно.

Тогда горячо заговорил Вася. Он сказал, что унывать не надо. Научить Маську, конечно, можно. Просто они, должно быть, не совсем так учат. Правда, они пробовали по-всякому: пускали Маське в корыто и резинового петушка — на самом

деле это карась, — и картонного сазана, и вот даже щуку. Но Маська оказалась на редкость упрямой и непослушной... Надо бы спросить у Владика, как дрессируют таких непослушных зверюшек, но Женя не хочет идти в шестой класс, хоть он и на их этаже, а сам Владик не приходит. Может быть, он обиделся за то, что Женя его гнал и толкал...

— Хотите, я спрошу у папы? — предложила Лида.

— Попробуй только спросить! — завопил Женя. — Сказано тебе, что это — секрет! Слышишь, Вася, как она рассуждает? Мы тебя честной считаем, потому и сказали, а ты сразу — «спрошу у папы»!

Лида замахала руками.

— Не спрошу! Не спрошу! Я просто так сказала... А, может быть, Маське не нравится ваша сандалия, я хотела сказать, щука. Ей бы настоящую рыбу дать. Она бы обрадовалась и... может быть, и вышло бы.

— Так мы, что же, не давали ей настоящую? — Женя с возмущением посмотрел на беззаботно плавающую в корыте Маську. — Я у бабушки два раза стащил свежую салаку. И Вася приносил какую-то селёдку.

— Ну, и как? Поймала она?

— Поймала, конечно.

— И что? Не подала вам?

— Какое там подала! Сlopала в секунду — и всё!

Лида с жалостью покачала головой: какая печальная история!

— Может, еще приучится, — сказала она неуверенно. — Ты, значит, из-за этого... дрессирования и не пришёл ко мне уроки делать?

— Мы потом уже, вечером, договорились с Васей сегодня её дрессировать. Я с вечера выучил.

Лида вздохнула.

— Полчаса прошло уже?

— Какие полчаса?

— Как я к вам пришла.

— Откуда же я знаю?

Лида стала надевать шубу: запоздаешь, — а мама другой раз и совсем не пустит. Вася усердно возил по полу половой тряпкой, собирая воду. Лида поглядела на него, и ей стало совестно.

— Помочь тебе?

— Не надо. Выпачкаешься. А мы уж всё равно, как... кашалоты.

А Женя так и сидел на полу посреди луж, с унылым и безразличным видом.

Дома Лида грустно спросила маму:

— Кто это — кашалоты?

— Это такие киты, — объяснила мама. — С большими головами. А почему ты спрашиваешь?

— Просто так, — ответила Лида и скорей стала накрывать на стол, полезла в буфет за тарелками, чтобы мама не увидела её смущённое лицо.

ЖЕЗИЙ КАЭЛЬ

Всю дорогу в школу Лида старалась придумать, чем бы помочь Жене.

Ведь он так расстраивается из-за Маськиного непослушания!

Придумать что-нибудь было очень трудно, главное, потому, что ни с кем нельзя посоветоваться: ни с мамой, ни с папой — а уж папа, наверно, что-нибудь придумал бы, — ни с учительницей, ни с дедушкой, который живёт в Москве. Никому нельзя ни сказать об этом, ни письмо написать — секрет!

На свою парту, рядом с Женей, Лида села задумчивая. Но на первом же уроке вдруг случилось такое, что Лида забыла и про Маську, и про сандалию-щуку, и про всяких там

кашалотов, и даже про то, что дрессировка Маськи — большой секрет.

Им было задано хорошенько повторить алфавит. Елена Сергеевна вызвала Женю.

По всем правилам Женя стал возле своей парты. Он был в школьной форме, уже весь сухой, а не мокрый, лицо и руки чистые, — наверно, Марья Сидоровна заставила его как следует умыться перед тем, как идти в школу. Женя выпрямился и начал отвечать алфавит; но как он стал его отвечать!?

Лида замерла от неожиданности. Она смутно видела, как у Елены Сергеевны расширились глаза, а головы всех ребят повернулись к Жене. Лида хотела дёрнуть Женю за рукав, шепнуть ему: «Нельзя так! Ты что!?» Но она и шевельнуться не успела. А Женя нёсся на всех парах — вот уж, правда, курьерский поезд.

Звонким голосом, в котором отчётливо слышался испуг, Женя спросил:

— Абэвэ где? — И сам себе ответил: — Ё! — Потом строго приказал: — Жезий каэль мноп! — Округлил глаза и, точно пугая кого-то, надул щеки: — Рэст уфф! — И зачистил: — Ха-це! Че-ша! Щы-ы?

Под хохот ребят он протянул успокоенным тоном:

— Э-ю-я-а! — И замолк.

У Елены Сергеевны порозовели щёки.

— Что это за представление, Сомов?

— Это... — Женя посмотрел на Лиду: она сидела ни жива ни мертва, как говорится в сказке, и то бледнела, то краснела. Женя закрыл рот и ничего больше не сказал.

— Ты готов на любые штуки, лишь бы помешать уроку, — очень строго сказала учительница. — Дай твой дневничок, я напишу в нём замечание. И пусть твой папа, именно папа, подпишется. И становись в угол!

Женя достал дневничок — маленькую тетрадку, куда записывал, что задано на дом. Настоящих дневников, как у пятиклассников, например, у них еще не было. Отправляясь за счёты, Женя положил этот дневничок на стол учительницы.

Елена Сергеевна немножко помолчала и уже всегдашним, ровным голосом вызвала Веру Стручкову:

— Назови нам буквы алфавита.

Вера начала отвечать.

У Лиды сильно-сильно заколотилось сердце. Она подняла руку.

— Что тебе, Лида? — спросила Елена Сергеевна.

Лида с минуту стояла, наклонив голову и собираясь с духом, потом проговорила дрожащим голосом:

— Можно, пожалуйста, я тоже встану в угол?

И заплакала.

Елена Сергеевна удивилась:

— В какой угол?

— В другой. Вон хоть в тот... что у двери, — сквозь слёзы пробормотала Лида. — Ведь за счётками... стоит Женя...

Некоторые ребята засмеялись. На секунду улыбнулась и Елена Сергеевна. Потом брови её слегка нахмурились:

— Ты хочешь, чтобы я поставила тебя в угол?

Лида кивнула и прошептала:

— Да.

— Почему?

Лида всхлипнула:

— Это я научила Женю сказке... про Абэвэ.

Елена Сергеевна взглянула на ручные часы:

— Хорошо, разберёмся. Перестань плакать, высморкайся.

Лида достала из кармана платочек и сморкнулась в него.

— Значит, то, что Женя здесь оттарабанил так некстати, это была сказка?

— Про маленького мальчика Абэвэ, — сказал Женя из угла, где он хлопал глазами, изумлённо разглядывая Лиду. Один раз он присел на корточки, переживая то, что происходит, но сейчас же вскочил.

— А тебя не спрашивают, — оглянулась на него Елена Сергеевна. — Так что же это за сказка, Лида? Кто её сочинил? И зачем?

— Я никак не могла выучить алфавит, — жалким тоненьким голосом стала рассказывать Лида. — Почему-то не запоминалось у меня. Я и говорю папе: «Не могу я выучить алфавит. Знаю, какие бывают буквы, а вот чтобы подряд их —

никак». А папа говорит: «А это потому, что ты в нём толку. . . нет, как это? . . а, да, смысла не видишь. Были бы это стихи или сказка, вмиг запомнила бы». Я и думаю: «Как жаль, что это не сказка». Стала опять читать вслух все буквы подряд и вдруг вижу: а там сказка. — Лида перевела дыхание. — Абэвэ — так зовут маленького мальчика. И он куда-то убежал. Мама его испугалась и спрашивает: «Абэвэ где?» А кто-то ей сказал: «Ё!» — там, значит. Мама зовёт: «Жезий каэль мноп!» (Беги скорей сюда!) А мальчик не хочет, не слушается. Тогда мама нарочно говорит: «Рэст уф-ф!» (Зверь страшный!) Чтобы он испугался и к ней прибежал. «Ха-це!» (Съест тебя!) «Че-ша!» (Противный мальчишка!) «Щ-ы-ы?» (Слышишь?) И мальчик прибежал. Тогда его мама успокоилась и сказала: «Эюя!» (Вот и хорошо!)

Лида покраснелась и старалась не глядеть по сторонам, чтобы не видеть смеющиеся лица ребят.

— И ты сразу запомнила алфавит. И потом рассказала эту сказку Жене, — подсказала учительница.

— Да. Но, когда отвечаешь, надо правильно говорить. Просто так: а, б, в, г, д. . .

— Вот именно, — сказала учительница.

— Я нечаянно, — пробурчал в своём углу Женя.

— Он нечаянно, — как эхо, повторила Лида.

— А надо думать прежде, чем что-нибудь делать, — отозвалась Елена Сергеевна. — Ты помешал уроку и вдобавок заставил плакать Лиду. Садись, Лида. Повторим ещё раз алфавит. Как следует. По всем правилам.

На перемене ребята смеялись и твердили:

— Ха-це! Жезий каэль! Абэвэ!

Игорь Свечкин крикнул Гене Сорокину:

— Че-ша! — А потом: — Ты что же не отзываешься? Ты ведь противный мальчишка, я тебя и зову.

Яша Шлыков скакал перед Лидой и дразнился:

— Сама на себя наябедничала! Сама на себя наябедничала!

Девочки кинулись бить Яшу. Чуть-чуть не получилась потасовка, да завидели они Елену Сергеевну и разбежались.

Лида не убежала, а, наоборот, подошла к учительнице и спросила тихонько:

— Елена Сергеевна, а вы нас не рассадите?

— Так уж и быть, не рассажу. Но ты посоветуй Жене сначала думать. А то у него руки, ноги и язык часто работают раньше, чем голова.

Всё-таки Женья понёс домой дневничок, где было написано: «Получает замечания в классе, смешит ребят на уроках».

КУСОЧЕК ШЛАКА

Плохое это дело — поздняя осень. Дождь льёт непрерывно. Потоки воды заслоняют дома, автобусы, витрины магазинов, и кажется, что на улице ничего и нет, кроме дождя. Холодные струйки попадают за шиворот, когда бежишь в школу, перескакивая через лужи. Но разве через все лужи перескочишь? Надоест перескакивать, и ведь любопытно, — глубокая она или нет? Да, лужа, оказывается, глубокая: калоша зачерпнула грязную воду. Приходится выливать эту воду на пол в раздевалке, а нянечка сердится.

Гулять не пускают, как ни просись. «В такую погоду добрый хозяин собаку не выгонит», — только и слышишь от бабушки и Марь-Сидраны. Маме в её вечернем техникуме задают какие-то особенно трудные уроки. Она приходит с работы и целые вечера просиживает над книгами. Бабушка твердит: «Четвёртый курс не шутка. Не мешай маме, Женечка».

Маська-нахалка так ничему и не научается. Картонного сазана она совсем искрошила, остаётся только вспоминать, какой он был красивый. Резинового петуха — карася — упрямая выдрёха прокусила в нескольких местах. Шуку бабушка нашла за ящиком. Всплеснула руками: «Это что за гадость мокрая? Да никак это старая Женькина сандалийка?» И выбросила шуку на помойку.

Можно весело поиграть у Лиды в квартире. В прятки, в лошадки. В передней и в коридоре Лидина мама позволяет

и с мячиком попрыгать. Но каждый день туда ходить бабушка не пускает: «Надоешь людям до смерти. Сиди лучше дома». И Вася стал бывать у Жени гораздо реже: у Васи вдруг появилась ещё одна сестрёнка, совсем крошечная. Вася помогает маме купать её и укладывать спать.

Словом, жить на свете стало скучновато.

И вот в один из дней подул холодный ветер. Он разогнал тучи и открыл солнце. Посветлело вокруг, и точно улыбнулись и лужи, и стекла в окнах домов, и все железные водосточные трубы. Женя пришёл в школу развесёлый, — оттого, что солнышко светит, да еще и по другой причине. Кое-чем он хотел Лиде похвалиться, что-то ей показать. Но до звонка не успел это сделать.

Как всегда, ребята построились шеренгой в коридоре у дверей, вошли в свой класс, встали у парт.

Елена Сергеевна всех оглядела.

— Ребята, во дворе возле здания нашей школы лежит шлак. Его положили там для дорожных работ. Мостовую на нашей улице засыплют этим шлаком, прокатают катками и зальют асфальтом. Шлак лежит для дела, а не для забавы. Поэтому брать его нельзя. Кроме того, он грязный, выпачкает вам руки, тетради и книги. Понятно? Повторите за мной: возле школы лежит шлак, брать его нельзя. Ну?

Нестройным хором ребята повторили:

— Возле школы лежит шлак. Брать его нельзя.

У некоторых мальчиков сделались напряжённые лица, глаза забегали. Ничего нельзя скрыть от Елены Сергеевны. Она сказала:

— Те, кто уже взял куски шлака, доставайте их из карманов, из портфелей и положите на мой стол. И побыстрее! Я жду.

Вася Грачёв шагнул к столу и со вздохом вывернул карманы. Два кусочка шлака легли на стол. За ним подошёл и выложил шлак Игорь Свечкин. К большому удивлению Лиды, к столу приблизилась Маня Гусева и, сильно покраснев, достала из кармана маленький тёмный кусочек.

Лида даже вытянула шею, чтобы получше рассмотреть Манин кусочек шлака. Если бы не Маня, Лида, наверно,

заметила бы, что Женя стоит, опустив голову и весь как-то сжавшись.

— Все положили? — спросила Елена Сергеевна и немного подождала. — Начинаем урок.

Нина Гринько, стоя возле стола учительницы, устно решала заданную на дом задачу. Все проверяли по своим тетрадам.

Жене казалось, что голос Нины доносится откуда-то издалека, точно она ушла в конец коридора, к дверям шестого класса, где учится Владик, и оттуда читает. За окнами потускнело: опять пошёл дождь. В классе словно наступил вечер — сгустились сумерки. Елена Сергеевна подошла к стене и повернула выключатель.

Почему-то Жене стало неприятно, когда яркий электрический свет залил класс. Женя сидел очень тихо. Хорошо бы, Елена Сергеевна совсем забыла, что Сомов есть в классе. Пусть бы она думала, что он заболел и лежит дома в кровати.

Изредка Женя осторожно ощупывал карман своих брюк. Карман был твёрдый.

Жене представлялись кусочки шлака. Они были замечательные, — лиловые, черноватые, отсвечивающие красным, с зазубренными краями. Мокрый шлак был очень красив. Теперь он, конечно, давно высох. Интересно, какого он стал цвета?

Урок тянулся невероятно долго. Никогда еще не бывало таких длинных уроков.

Ведь он может и положить этот славный кусочек шлака обратно, раз он так нужен для починки мостовой. Наиграется им, да и сунет назад, в ту же кучу возле школы. Вот возьмёт, да и сунет. Потом...

Женя уже совсем решил, что нянечка забыла позвонить или потеряла звонок, а может быть, остановились большие часы на стене в коридоре, и она не знает, кото-

рый час. Но тогда пусть пойдёт в учительскую — там тоже есть часы.

«Нянечка, что ж вы такая глупая, часы найти не можете, как вам не стыдно!» — мысленно бранил нянечку Женья, и тут, наконец-то, зазвенел звонок.

— Первая колонка! Стройтесь! — сказала Елена Сергеевна.

Женья с Лидой сидели в третьей колонке у окна. Лида вскочила, о чём-то заговорила с девочками. А Женья не торопился подняться. Только что он мечтал о том, чтобы выбежать в коридор, и вдруг ему захотелось остаться в классе, где на перемене, кроме дежурных, никому нельзя оставаться.

К нему подошёл Вася. Нахохлившись и подперев голову кулаком, Женья задумчиво жевал.

— Что ты съел? — с любопытством спросил Вася.

Оба они редко брали завтраки, ели дома перед школой.

Женья взглянул с недоумением. За него со смехом ответила Лида:

— Промокашку. Я видела, как он оторвал от промокашки и положил в рот.

Вася тоже засмеялся:

— Вкусная промокашка?

Женья не ответил. Нехотя он потащился из класса вместе со всеми.

В коридоре Лида схватила под руку Маню Гусеву. Они сблизили головы и зашептались на ходу.

«Про шлак говорят, — подумал Женья. — Как Маня его взяла из кучи и потом положила на стол».

Он плёлся за девочками без всякого удовольствия. И, наконец, не выдержал: ведь ни одна вещь на свете, даже самая интересная, не доставляет радости, если её никому не показать.

Женья потянул за рукав Лиду, отошёл с ней в сторонку и дал заглянуть себе в пригоршню, между прикрытыми ладонями:

— Смотри! Был лиловый, а сейчас серый и только немножко красный, потому что высох. Но всё равно красивый, правда? И крайчики ломаные, острые. . .

— Так ты не отдал? — испуганно прошептала Лида. — Ведь Елена Сергеевна велела!

— Я потом сам положу обратно. — Женя спрятал кусочек шлака в карман.

— Ты обманул учительницу! — с негодованием сказала Лида шопотом. — Как нехорошо! Пойди и отдай!

— Я потом положу, — упрямо повторил Женя. — Туда, в кучу. Его там много-много. А у меня маленький кусочек.

— Это всё равно, что маленький. Отдай, Женя, отдай! Ну, пожалуйста! И ничего в нём нет красивого.

— Нет, он красивый! Ты не рассмотрела. И ты уже позабыла, какой он. Ты ж его мало видела и сейчас не видишь. Хочешь, покажу?

— Все отдавали! Вася — сразу. И Маня. А ей, знаешь, как стыдно было, она говорит. Только ты один обманул. Как ты теперь посмотришь в глаза Елене Сергеевне, если не отдашь?

— Отвяжись ты от меня! — Женя выпятил нижнюю губу и отошёл прочь.

Зачем ему глаза Елены Сергеевны? Он на неё вообще старался не смотреть. Учительница прохаживалась по коридору, гуляла вместе со своим классом. И, как всегда, к ней то и дело подходили ребята, о чём-то ей рассказывали. Девочки брали её за руку, ласкаясь.

Ну, и пусть. Вот если бы Лида пожаловалась: «У Жени шлак в кармане», то Елена Сергеевна его подозвала бы и он бы волей-неволей подошёл. Жене даже захотелось, чтобы Лида наядбедничала. Но она ходила в паре с Ниной Гринько, грустная и молчаливая, хотя только что болтала и смеялась.

Женя постепенно отстал и вдруг очутился в хвосте, рядом с Яшей Шлыковым.

— А у меня что-то есть! — похвастался Яша. И подставил свой карман. — Пощупай-ка!

Женя ткнул пальцем: твёрдое.

— Наверно, этот самый... шлак, — проговорил он нехотя. — А... почему ты не отдал? Ведь велели.

— Ну и что ж, что велели? Она не узнает, Елена Серге-

евна. Ты ведь не скажешь, — а больше как она узнает? Не скажешь?

Женя помотал отрицательно головой.

— Давай дружить! — предложил Яша.

— Отвяжись! — Женя отскочил от Яши и вдруг стал перебегать от пары к паре, всех подталкивая и мешая идти.

— Женя, перестань! Женька, не надо! — сердились девочки.

А Женя не унимается: толкает, под ноги суётся, за рукава дёргает.

— Женька, будет тебе! — сказал Вася.

— Женя, я учительнице скажу! — пригрозила Света Куликова.

Кто-то из девочек позвал:

— Елена Сергеевна!

Вот сейчас она подойдёт и накажет его... Но учительница в этот момент стояла и улыбаясь разговаривала с каким-то учителем старших классов. Она только издали погрозила пальцем, но не подошла.

УРОК ПЕНИЯ

Начался урок пения.

Учительница по пению, Фаина Михайловна, — черноволосая, с быстрыми движениями, в разноцветной косынке на шее и очень строгая. Поёт она хорошо — ничего не скажешь. Когда она разучивает с ребятами песню и сначала сама её запекает, Жене очень приятно слушать её голос. И вообще Женя любит, когда ребята поют.

— Достаньте нотные тетради, — сказала Фаина Михайловна. — Сейчас мы запишем одну маленькую мелодию.

Ноты, эти чернушки-таракашки, Женя ненавидит от всей души. Он тоскливо нанизывает на линии безобразные чёрные катышки с хвостиками и часто не может удержаться, чтобы не пририсовать к ним еще и лапки.

Просто удивительно, что Лида так любит уроки пения. Нотная тетрадь у неё в образцовом порядке. Два раза в неделю она еще приходит в школу по утрам на музыкальные занятия. Дома она играет на рояле гаммы и вместе со своей мамой, под мамину игру, поёт песни, которые называются дуэты.

На этот раз Жене не пришлось нанизывать таракашек на веточки-линии. Оказывается, он забыл дома нотную тетрадь.

Фаина Михайловна живо заметила, что Сомов сидит сложа руки.

— Это что такое? Опять тетрадь не принёс? Все будут работать, а ты мешать другим от безделья? Становись к стенке!

Как многое в жизни получается наоборот. На перемене Женя добивался, чтобы Елена Сергеевна его наказала, — ничего не вышло. А тут пальцем не шевельнул, и вот — пожалуйста!

Фаина Михайловна и наказывает как-то не так. Уж поставила бы Женю в угол, а то просто к стенке, недалеко от двери. Не за счёгами и стоять не с руки.

Пока Женя размышлял о своих неудачах, ребята кончили писать ноты.

— Теперь споём, — сказала Фаина Михайловна. — Повторим песни, которые мы уже знаем.

Звонкие голоса выводили так складно, плавно, задушевно, то тише, то громче, то выше, то ниже:

Лес дремучий
Снегами покрыт,
На посту
Пограничник стоит.
Ночь темна...

Женю словно закачало на волнах. Ему стало немножко грустно и в то же время радостно, и так хорошо на душе, что он вздохнул глубоко, всей грудью...

... И вот уже нет ни класса, ни противных нот на доске, ни слякотной осени за окном, ни кусочка шлака в кармане. Женя стоит посреди заснеженного леса. Над ним высокие ели помахивают игольчатыми разлапистыми ветвями, на которых лежит снег.

Мерцают на небе звёзды. На Жене форма пограничника, за спиной автомат, грудь перетянута блестящими ремнями. К его ногам, обутым в высокие армейские сапоги, прижалась огромная овчарка, настоящая пограничная. Она поглядывает на Женю глазами Шумика и готова выполнить любое Женино приказание...

Мельком оглянувшись на Сомова, Фаина Михайловна покачала головой и подумала: «Что за мальчик — никакого раскаяния! И зачем его наказывать, если это его не огорчает?»

Прислонившись к стене, наказанный ученик улыбался во весь рот.

— Садись на место, Сомов, — с лёгким вздохом сказала Фаина Михайловна. — И в другой раз не забывай нотную тетрадь.

Усевшись на парту, Женя радостно шепнул Лиде:

— Дома споешь ещё эту песню? Я ведь буду пограничником.

— Да, я знаю, — кивнула Лида. — Ты, конечно, будешь пограничником. — Только... — она помолчала — ... только пограничники никогда не обманывают.

Женя посмотрел на Лиду с ужасом.

А тем временем и звонок прозвенел, и Елена Сергеевна вошла в класс, и Фаина Михайловна ушла, забрав свои ноты.

— Стройтесь в пары, идите в коридор.

Женя торопливо полез в карман, сорвался с места, подбежал к Елене Сергеевне и молча сунул что-то в её руку.

— Что это? — спросила учительница, взглянула на предмет, который Женя так поспешно вложил ей в пальцы, и негромко заметила: — Долго же ты собирался.

Женя пролез вперёд и выбрался в коридор.

Ему вдруг стало неудержимо весело. Он припустился по коридору во весь дух. И через миг наткнулся на большую

девочку с комсомольским значком на груди. Девочка схватила Женю за плечи:

— Ты что, не знаешь, что нельзя носиться?

Женя вывернулся из её рук и помчался дальше. Но, хотя он бежал сейчас не так уж быстро, его остановила учительница другого второго класса:

— Ходи как следует! Куда ты бежишь?

Женя сказал ей, куда. В такие места полагается идти на перемене, и чужая учительница его отпустила. Отойдя два шага, Женя подпрыгнул и дал тумака какому-то высокому, как Владик, мальчишке, наверно из шестого класса, не со зла дал, а просто так — для шутки. Но то был дежурный с красной повязкой на рукаве, и он вовсе не намеревался шутить. Наоборот, ему хотелось проявить свою власть дежурного, и он начал отчитывать Женю. Дежурный отчитывает, а Женя хохочет и и волчком вертится вокруг него. Вдруг раздался грозный голос какой-то совсем незнакомой учительницы, в очках, старой уже, должно быть из другого даже этажа:

— Кто это тут развозился? Сейчас к директору отведу!

Женя испугался, утих, тяжело дыша пошёл скорей-скорей к своему классу и смирно встал в пару с Лидой.

— А где твой шлак? — спросила Лида. — Я хочу на него посмотреть.

— У-у, — сказал Женя, вытирая руками вспотевшие, разгорячённые щёки. — Я его давным-давно отдал Елене Сергеевне.

Лида удивилась и обрадовалась:

— Да что ты! Когда же ты успел?

— А вот успел. Хоть спроси у Елены Сергеевны.

После уроков, в раздевалке, Женя оделся и уже хотел уйти, но от самой двери повернул обратно, приблизился к учительнице и, подняв голову, прямо посмотрел ей в самые глаза.

— Что, мой мальчик? — улыбнулась Елена Сергеевна.

— Просто так, — сказал Женя.

Учительница поправила ему воротник пальто и застегнула пуговицу, которую он забыл застегнуть. И он выбежал на школьный двор счастливый.

На земле, возле здания школы, поблёскивала тёмная силилиловая куча шлака, недавно смоченная дождём. Проходя мимо, Женя взглянул на неё гордо и независимо. И ему стало жаль Яшу, который рысцой трусил к воротам, придерживая мокрый и, наверно, тяжёлый карман пальто.

БЕДА

Лида упростила маму не приходиться за ней в школу: ведь ей даже дорогу теперь не надо было переходить, школа была совсем близко, а Лида подросла. Папа поддержал Лиду, и мама скрепя сердце согласилась.

Из школы теперь ходили целой гурьбой: Лида, Женя, Вася Грачёв, Маня Гусева. Частенько к ним присоединялся и Яша Шлыков. Женя его терпеть не мог, и Лиде он очень не нравился, но Вася не позволял гнать Яшу.

— Я как-то маме рассказывал про Яшку, что он радуется, когда у кого двойка или накажут. Мама говорит: «Да, бывают такие злыдни завидующие, которые чужой беде рады. Очень это нехорошо. Но, говорит, вы всё-таки Яшу не прогоняйте. А то ему скучно станет, и он ещё хуже делается. Ругать его можете — как за такое не ругать? — а в игру всё-таки принимайте».

— За дразнение и отколотить не жалко, не только что ругать, — сказал Женя.

— Про битёе мама ничего не говорила. Она говорит: «Яшка ещё маленький, он ещё исправится».

— Ма-аленький! Да он не ниже нас с тобой ростом. . .

Из-за Васи Женя терпел возле себя Яшу и не трогал его, пока тот не начинал дразниться. Тогда Женя не выдерживал и кидался на Яшу со сжатыми кулаками. Яша убежал, высывая язык.

Как-то раз они вчетвером, без Мани, которая заболела ангиной, шли из школы.

— Выдра твоя ещё не подохла? — спросил Яша.

— Сам бы ты не подох, — ответил Женья. — А Маська живёт великолепно.

Лида сморщилась, будто что кислое в рот взяла:

— Фу, как ты противно сказал, Женья! Не говори так в другой раз, — слышишь? — Она вздохнула: — А с Маськой не так уж великолепно. . .

— Не хочет научиться, да и всё! — с досадой воскликнул Вася и прикусил язык: Женья взглянул на него грозно.

— Чего она не хочет? — сразу сунулся Яша. — Как так — научиться? Разве ей надо учиться?

— Да это я так просто, — отозвался Вася.

— Конечно, он так просто сказал, — поддержала Лида.

Признайся-ка Яше, что они не могут научить Маську ловить рыбу, — Яшка Женью задразнит.

Так ничего и не добившись от ребят, Яша скрылся в своём подъезде. Он жил возле самых ворот.

Женья, Лида и Вася медленно шли через двор. Вася задумчиво сказал:

— Наверно, Маська стала дикая и злая, потому что она сердится, что ты её запираешь.

— И по носу слишком часто бьёшь, — добавила Лида. — А еще ей, может быть, жарко. Папа говорит, что выдры к холоду привыкли, они зимой даже в проруби купаются. А у вас паровое отопление.

— Да хорошо моей Масеньке, чего там! Только одна Марь-Сидрана её и боится. Ты, Лида, и то совсем перестала трусить.

— Немножечко еще. . . чуть-чуть, — честно призналась Лида.

Она очень гордилась тем, что давно не убегает от Маськи, стоит себе на месте, когда выдра шмыгает возле самых ног. Только внутри у Лиды слегка замирает. Иногда Лида даже немножко гладит Маську.

— Зайдём все к нам, — предложил Женья. — Увидите, что она всё такая же хорошая!

Едва ребята вошли в подъезд, как до них донеслись сверху неистовые крики Маськи. Очень странно звучало на лестнице это верещанье, чоканье, клёкот.

— Ой, что это? — встревожился Женя. — Бабушка всегда её выпускает, как приходит.

Он перескакивал через ступеньки, спотыкаясь от спешки. Вася с Лидой припустились за ним.

На звонок открыла расстроенная Марья Сидоровна. Голова у неё была обвязана полотенцем, от которого сильно пахло уксусом.

— Где бабушка? — крикнул Женя, врываясь в квартиру.

— Да собрание у неё сегодня на фабрике. Всё ты забываешь, крикуша! А эта напасть озёрная так разоралась, что хоть караул кричи! Обед я тебе разогрела, на плите стоит. — Марья Сидоровна закрылась в своей комнате.

Под чоканье и свист Маськи Женя стаскивал кирпичи, положенные на чемодан. Лида и Вася бросились ему помогать.

Только часть кирпичей сняли, а край чемодана уже сдвинулся с ящика. В отверстие яростно протискивалась серая приплюснутая голова с чёрными, сердито сверкающими глазками.

Сердце у Лиды дрогнуло от жалости к затворнице:

— Бедная! Она, наверно, и есть хочет!

Гордая тем, что не испытывает в эту минуту никакого страха, Лида протянула руку, чтобы погладить выдру.

И вдруг раздался отчаянный вопль.

От испуга Женя уронил кирпич. Вася кинулся к девочке:

— Лида, что с тобой? Лида?

Шаркая туфлями, из своей комнаты спешила Марья Сидоровна, всё еще с полотенцем на голове:

— Батюшки-светы! Что случилось?

С громким плачем Лида трясла рукой. Вся ладонь была у неё яркокрасная. Красная струйка текла на пол. Что это струится кровь, Женя понял только, когда Марья Сидоровна обняла Лиду за плечи и повела её к крану:

— Ох ты, беда какая! Кажется, насквозь прокусила.

Трясущимися пальцами старушка бинтовала Лиде руку, а Лида навзрыд плакала от боли и от испуга.

Пока происходила эта суматоха, Маська сама сдвинула чемодан, с которого почти все кирпичи были уже сняты, и выбралась на свободу. Веником Вася прогнал её в кухню, чтобы не шарахнулась Лиде под ноги.

— Не плачь, деточка, не плачь! — уговаривала Марья Сидоровна. — Хорошо, что хоть я в лавку не ушла, ведь собиралась за сметаной. . .

Она сорвала с головы полотенце, накинула на себя платок, надела пальто, взяла Лиду за здоровую руку.

— Сама отведу к матери.

На Женю, который растерянно топтался вокруг Лиды, Марья Сидоровна и не взглянула. Она увела Лиду. Вася ушёл вместе с ними.

— Что ты наделала, дура? — сказал Женя Маське, найдя её в кухне. — У-у, скотина!

Он хлопнул её по спине, но Маська продолжала жадно есть свежую рыбу, которая недавно лежала в бумаге на кухонном столе. Теперь выдра трепала рыбину на полу. И когда бабушка успела купить этого судака?

Вдруг Женья сообразил, что судак куплен вовсе не для Маськи и...

— Батюшки-светы! — невольно вырвалось у Жени восклицание Марьи Сидоровны, и он кинулся отнимать у Маськи рыбину. Ведь принесла судака из магазина, наверно, не бабушка, а Марья Сидоровна.

Кое-как Женья завернул рыбу в бумагу и сунул её за окно, но голова у судака была уже оторвана и полбока выедено.

РАЗВЕ ЭТО МАЛЮТКА?

Вечером бабушка выговаривала маме:

— Потакаешь ему во всём! Ребёнку, мол, такое удовольствие, да он её так любит, да пусть ещё немножко позабавится. Вот и позабавился! Теперь Лидочке будут тридцать прививок делать — после укуса непременно надо; а прививки — это очень больно! Еще заражение крови не получилось бы — от него помирают.

Женья завозился на подоконнике. Он сидел там, скорчившись, ко всем спиной, и без толку смотрел в чёрное стекло, за которым всё равно ничего не было видно.

Придя с собрания, бабушка отправилась к Костиным — узнать, как Лидина рука, и теперь без конца бранила Маську, а заодно и маму. Но Женья прекрасно понимал, что всё говорится не столько для мамы, сколько для него, Жени. Мама сидела на диване с каким-то вышиваньем в руках и кротко молчала. Это молчание доказывало, что она во всём согласна с бабушкой.

— Еще и от отца ему попадёт, как приедет. «Не отдам!», «Не отдам!» Кто ж это слушает такого умника-разумника? Нашёлся тоже дрессировщик! Выдрессировал зверя кусаться...

Внезапно Женя заревел:

— Я, что ли, её учил? Она сама кусается.

— А кто умеет, тот отучает! — возразила бабушка. —

В цирках и тигров дрессируют. Да не из второго класса дрессировщики. Была такая махонькая, ласковая, уж правда, малютка, как Костя назвал, когда принесли её мальчишки из лесу. А теперь разве это малютка?

Жене вспомнилось, как лежал серый тёплый комочек в шапке и вдруг блеснули крошечные чёрные глазки. «И зачем вы притащили эту малютку?» — упрекнул дядя Костя мальчишек. Может быть, и правда, напрасно притащили тогда Масеньку? Жила бы она у озера в чаще леса, целый день купалась, ловила бы себе рыбу, и никто бы её не ругал и не бил по носу. И не стала бы она злая, как барбос. . .

Жене вдруг представилось, что Лида уже умерла от заражения крови. И будто бы много всяких людей обступили Женю — тут все ребята из их класса, и Елена Сергеевна, и Владик, и Катя-львятница, и толстый математик, который учит десятиклассников и которого Женя почему-то побаивается, хоть ни разу даже голоса его не слышал. Все эти люди стоят вокруг Жени, но на него не смотрят и говорят между собой: «Как жаль Лиду! Хоть и девчонка, а была очень даже хорошая. С ней было весело, и она всегда показывала, где что приклеить, и перестала обижаться, хоть десять раз подряд называй ее «черепашкой», и пускала Маську в свою большую белую ванну, и сказала Елене Сергеевне, что это она выдумала сказку про Абэвэ. А теперь её нету. Как это так? А вот так: нигде нету — ни в школе, ни дома, ни во дворе. . . А всё потому, что Женя — плохой дрессировщик, не сумел Маську приручить, как надо. В зоосаду её бы скорей приручили. И там, вдобавок, на неё смотрели бы все, юннаты бы её изучали, а тут вместо изучения получилась одна беда: Маська заела Лиду, — и с кем же Женя будет теперь сидеть на парте?»

Всегда Женя ревел так, что по всей квартире было слышно, а сейчас он плакал беззвучно, потому что никогда еще не было ему так грустно.

РЕШЕНИЕ

Утром, едва открыв глаза, Женя спросил:

— Лида умерла?

Бабушка расчёсывала волосы. Она уронила гребёнку.

— Господь с тобой, Женечка! Что ты только говоришь? Приснилась тебе, что ли, такая страсть?

Женя сел на кровати:

— Значит, она живая?

— Живая, живая! — мама подошла к Жене, заглянула ему в глаза и потрепала по затылку. — Вставай скорей! Завтрак готов.

— Дурачок-то! Скажет такое! — бормотала бабушка, закалывая на затылке свою длинную, густую косу.

Всё-таки Женя пошёл в школу со стеснённым сердцем. Ему мерещилось пустое место на парте: уж, во всяком случае, прийти в школу Лида не может, — где там, когда она погрызена так, что кровь лилась ручьём. Елена Сергеевна спросит: «А где Лида Костина?» И честный Вася ответит: «Её укусила Женина выдра. Конечно, она ещё жива, Лида, но...» Ничего другого и не скажешь!

Каковы же были изумление и радость Жени, когда, войдя в класс, он вдруг увидел на своей парте Лиду! Левая рука у неё была согнута в локте и подвешена на шёлковой косынке, завязанной у Лиды под косичками. Плотно забинтованная кисть руки уложена внутри косынки, а всё-таки видно хорошо, как много наворачено белого бинта. Лида была похожа на раненого. Женя много раз видел раненых в кино, когда смотрел картины про войну. Если не считать повязки, Лида была такая же, как всегда.

— Мне сегодня утром сделали первую прививку, — сообщила она Жене, едва тот подошёл. — В Пастеровском институте. Там от бешеных собак прививают. Ну, и после всяких укусов.

— Ты на меня не сердись? — виновато пробормотал Женя.

Лида слегка пожала тем плечом, на котором не было повязки.

— Но ведь не ты меня укусил!
Что правда, то правда — не он! Женья почувствовал себя увереннее.

— Значит, ты от меня не пересядешь?

— Очень надо мне без конца пересаживаться!

Помолчав, Женья поинтересовался:

— А больно делают прививку?

Слегка вздохнув и устремив взгляд куда-то вперед, Лида ответила:

— Конечно, больно! И рука здорово болит. Что ж! Придётся потерпеть.

Такая покорность поразила Женю. Если бы Лида его упрекала, Женья стал бы оправдываться, и обычная бойкость вернулась бы к нему. Но Лида неожиданно спокойно и храбро переносила своё несчастье и даже словом не обмолвилась, кто в нём виноват, и Женю опять охватило раскаяние.

Он молча сел на своё место, отодвинулся на край скамейки, чтобы нечаянно не толкнуть Лиду, и так смиренно просидел весь урок, что Елена Сергеевна внимательно посмотрела на него:

— Здоров ли ты, Сомов?

С Лидой и Лидиной мамой, которая сама привела дочку в школу, учительница поговорила еще до уроков, поэтому о Лидиной руке не расспрашивала.

После звонка Женья, помявшись, спросил Лиду:

— Ты, значит, никогда больше ко мне не придёшь?

— Почему же не приду?

— А как же... ведь у меня... вдруг опять... Нет уж! — Женья решительно махнул рукой и кинулся за Васей Грачёвым, который уходил из класса:

— Вася! Вася! Подожди!

Елена Сергеевна поморщилась:

— Сомов, ты кричишь, точно ты в лесу или в поле, а не в классе.

— Женья, ты куда? — позвала Лида. — Посиди со мной. Мне можно в коридор не выходить, чтобы руку не ушибли.

Женья оглянулся:

— Я скоро приду!

Взволнованно и по-всегдашнему торопливо он что-то сказал Васе, и они побежали в другой конец коридора, где находился шестой класс, в котором учился Владик.

«Юннатовский профессор» с серьёзным видом выслушал друзей. Нахмурился и двумя пальцами ухватил Женью за ухо:

— Будешь меня другой раз толкать и выгонять? — потом улыбнулся. — Не беспокойся! Всё будет в порядке. . .

ПОДАРОК

Высокий широкоплечий человек, которого Владик называл по имени и отчеству, — а как, Женья от волнения тут же забыл, — принял мальчиков в комнате, где на стенах висели таблицы с изображением разных животных.

— Приехала, значит, выдра Маська? — сказал он приветливо. — Очень приятно.

Вася показал на Женью:

— Это он дарит Маську в зоосад.

— Мы очень благодарны Жене Сомову за подарок, — ответил человек и попросил какую-то девушку. — Принеси, пожалуйста, клетку.

— Она в клетке будет жить? — упавшим голосом спросил Женья. — Она не любит, когда запертая.

— Совсем немножко посидит в клетке, — успокоил его зоолог. — Только пока мы её познакомим с другими выдрами. А то еще на улицу выскочит отсюда.

Ошеломлённая ездой в трамвае Маська сперва негромко и часто чокала, будто квохтала по-куриному. Когда её выпустили из кошолки, она засновала по полу. А теперь занялась свежей морковкой, которую ей преподнёс зоолог.

«Нет, этот дяденька Маську не обидит», — подумал Женья и немножко успокоился.

— Это Владик ему сказал, как тебя зовут, — шептал Вася в Женино ухо. — Еще по телефону, наверно, сказал.

— Я бы вам весь зоопарк показал! — с сожалением говорил Владик. — Да в школу опоздаем к двум часам. Ну, мы в воскресенье приедем!

Зоолог со всеми попрощался за руку, ещё раз поблагодарил Женю, и мальчики уехали. Жене было как-то не по себе, он сердито молчал весь обратный путь.

Поглядев на него, Владик сказал:

— Ей будет там хорошо. Честное пионерское.

Дома Марья Сидоровна ждала Женю с разогретым обедом. Под конец она угостила его только что испечённым сладким пирогом.

«Празднует, что Маськи нет», — неприязненно подумал Женя. но два куска пирога всё-таки съел. А старушка и не скрывала своей радости. Не замечая или не желая замечать Жениного надутого вида, она обращалась с ним ласково, как с родным внуком.

В школе Женя вдруг чуть не поссорился с Лидой. Узнав поразительную новость — Маська в зоосаду! — девочка сильно обиделась:

— Что же вы мне не сказали?! Я бы тоже поехала. Фу, какие противные! И какое вы имели право без меня везти Маську? Ведь укусила она меня!

— Тебя бы всё равно мама не пустила — в трамвае ехать с больной рукой, — возразил Вася. — Мы еще туда съездим все вместе двадцать раз.

Из дому Женя увёз свою выдру, никого не предупредив, можно сказать, похитил её. Марья Сидоровна сама видела, как Владик зашёл за Женей и Васей и как Женя увязывал Маську в кошолку. И, конечно, с великой радостью рассказала об этом маме и бабушке, когда они пришли с работы.

Вернувшись из школы, Женя застал чисто прибранную квартиру. Бабушка кончала натирать паркет. Она бросила щётку, подошла к Жене и обняла его за плечи:

— Навещу её непременно в первый же выходной!

Жене показалось, что бабушке тоже скучно и тоскливо без выдры, хоть и ругала она её в последнее время. Он прижался

к бабушке. И вдруг встал на цыпочки и, как бывало в пять лет, стал целовать её полные мягкие щёки.

А спустя неделю, и спустя две недели, и спустя месяц, в зоопарке, в отделе хищников, можно было не раз увидеть мальчика и девочку. Они приезжали в зоопарк то с полной пожилой женщиной в пуховом платке, то с молодой женщиной, которую девочка называла «мамой», а мальчик «тётей Ирой».

Ребята подолгу стояли перед решёткой, за которой находились два домика на краю водоёма. В водоёме плавали и ныряли три выдры.

— Маська! Маська! — звали дети.

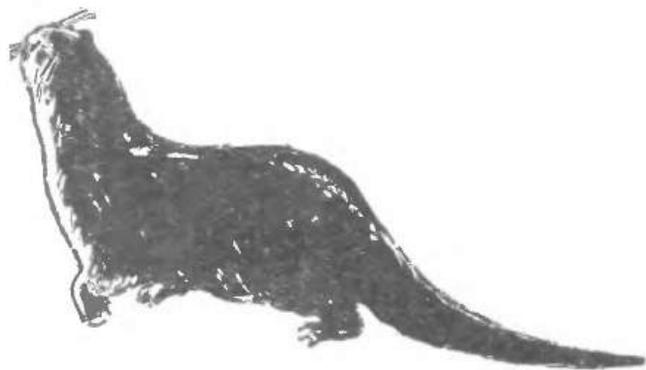
Им отвечал негромкий ласковый свист. Одна из выдр вылезла из воды и на своих низких лапах с перепонками между пальцами скользила к решётке. Ребята протягивали ей сквозь прутья морковку, брюкву и сладкую булку.

Как-то новая служащая зоопарка, подметая возле клеток, спросила детей:

— Вы брат и сестра?

Ребята засмеялись и замотали головами.

— Нет, — сказала девочка. — Мы не брат и сестра. Но мы сидим на одной парте!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Женя Сомов	3
Лида Костина	7
Как ему помочь?	9
Я устала	14
Слоны на площади	15
Жмурка в опасности	21
Лето настало	25
Первое сентября	25
Страшный зверь	33
Серый комочек	35
Маська в Ленинграде	37
Косичка	39
Юннатовский профессор	44
Вася Грачёв	52
Квалификация	54
Пропажа	57
Курьерский поезд и черепаха	62
Опять вместе	65
Шука из обувного магазина	66
Жезий Казль	72
Кусочек шлака	76
Урок пения	81
Беда	85
Разве это малютка?	89
Решение	91
Подарок	93

ДЛЯ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

Котовщикова Аделаида Александровна, «Малютка с лесного озера»

Ответственный редактор *Г. В. Антонова*. Художественный редактор *Ю. Н. Киселев*. Технический редактор *Н. М. Сусленникова*. Корректоры *А. К. Петрова* и *И. И. Бунич*. Подписано к набору 13/III 1956 г. Подписано к печати 12/V 1956 г. 70 × 92¹/₁₆. Печ. л. 6. Усл. п. л. 7. Уч.-изд. л. 3,71. Тираж 90 000 экз., М-22314. Ленинградское отделение Детгиза. Ленинград, наб. Кутузова, 6. Заказ № 363. 2-я фабрика детской книги Детгиза Министерства Просвещения РСФСР. Ленинград, 2-я Советская, 7. Цена 2 р. 30 к.

2 р. 30 к.